№ 52-53

ЦЕНА 10 ЦЕНТ.

ОРГАН

РУССКИХ АНАРХИСТОВ-КОММУНИСТОВ

СЕНТЯБРЬ ОКТЯБРЬ 1929 г.

«DIELO TROUDA» Journal Mensuel
Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу:
Librairie G. Franssen (pour Dielo Trouda) 11, rue de Cluny, Paris Ve

5-ый год издания

АРЕСТ и ССЫЛКА Т-ЩА А. А. БОРОВОГО

Казалось, что те массовые аресты анархистов, которые ГПУ произвело в мае и июне этого года по всему СССР, вполне утолили жажду большевиков в насилии над анархистами. Оказывается, далеко нет. Вскоре после этих массовых арестов ГПУ арестовало Алексея Алексеевича Борового — ученого экономиста и выдающегося теоретика русского анархизма.

Товарищ А. Боровой стоит под анархическим знаменем около 30 лет. В годы царизма он был приват-доцентом Московского университета и благодаря своим лекциям имел огромное влияние на учащуюся молодежь. В первые дни мартовской революции 1917 г., когда анархические силы еще не оформились, он самостоятельно выступил с рядом блестящих научных лекций на политические и экономические темы. Его величайшие ораторские дарования и способности, огромные философские, экономические и историко-политические знания, его революционный пафос делали из него великого политического трибуна, «оратора человечества», которого с одинаковым упоением слушали и широкие рабочие и солдатские массы Москвы, и учащаяся молодежь, и люди науки — профессора московских университетов, преподаватели и т. д.

Октябрьский переворот, т. е. всенародный рабоче-крестьянский октябрь встретил в Боровом своего могучего и пламенного защитника и борца. Трудно было найти в Москве рабочего, который, прослушав лекцию Борового, не закипал бы новой силой, новой верой в победу, в торжество социальной революции. Его слово звенящей сталью ударяло в волны революционного движения и толкало трудящихся на завоевание прекрасного одухотворенного будущего. Когда это будущее на миг — в первые дни октябрьской победы — было завоевано, Боровой был наиболее выдающимся, наиболее вдохновенным его певцом и оратором. Затем, когда миг первых дней победы был скомкан и заменен диктатурой партии, поле политической деятельности Борового сузилось. Он уже не мог свободно выступать с политическими лекциями на любую тему. Лекции его поневоле стали более отвлеченными и более редкими. Но он оставался самим собою, — анархистом, который открыто, с трибуны развивал свою великую идею и высказывать несогласие с принципами диктатуры. В нем еще чувствовали большого представителя революционной анархической идеи и его не трогали.

Революционные рабочие Москвы и учащаяся молодежь хорошо знали Борового, как революционного ученого и одного из выдающихся теоретиков анархизма. Естественно, что они тянулись к нему, к его удивительному слову, к его возвышенным идеям. В первые годы диктатуры, когда самодержавие партии еще не было абсолютным, подобный контакт еще имел место. Летом 1921 г. студенты Свердловского университета коллективно настояли перед своим начальством на том, чтобы А. А. Боровой прочел в их университете несколько лекций по анархизму и защитил тезисы анархизма перед марксистскими учеными. Боровой охотно принял предложение. Компартия с своей стороны назначила ему оппонентами Бухарина, Луначарского и других марксистов. Предстоял многодневный грандиозный диспут — бой анархистских и большевистских идей пред лицом широкого университетского студенчества. В последнюю минуту компартия спохватилась, однако, и воспретила этот диспут. И этот факт лучшего всего другого показывает, что руководители компартии прекрасно знают, какую огромную научную и политическую силу представляет собой Боровой.

В конце того же 1921 года — Боровой по своей

инициативе, прочел в Политехническом музее, две лекции — о Достоевском — и о Бакунине, собравшие многочисленную рабочую аудиторию. В лекции о Бакунине он рассеял тот туман, который марксистские историки напустили вокруг Бакунина, стремясь обстричь последнего под марксистскую гребенку. Боровой вывел Бакунина во весь его гигантский рост интернациональнаго бунтаря и основоположника международного революционного анархизма. Для того времени это было актом огромного мужества, ибо компартия всякий акт самостоятельного мышления и малейшего несогласия с нею в чем бы то ни было готова была рассматривать, как нападение на ее «устои».

Постепенно власть начала отымать от Борового все университетские кафедры, на которых он, в качестве профессора, читал научные лекции студенчеству. Из года в год его все более и более изолировали и в конце концов он остался без кафедры и без каких бы то ни было иных средств влияния на учащуюся молодежь.

Аресты анархистов, за одну их идеологию, в разных местах СССР шли беспрерывно, но Борового не трогали. Еще до 1928-29 года среди большевиков считалось неудобным, ни с того, ни с сего, арестовать этого ученого и теоретика анархизма.

1929 год окрасился усиленным правительственным *террором налево.* Нет никакого сомнения в том, что этот террор находится в прямой связи с последним правительственным курсом на режим «единоначалия», которое следует рассматривать значительно шире нежели постановление Ц.К. партии о единоначалии директоров во всем национализированном производстве. Производится попытка осуществления принципов единоначалия в общесоюзном масштабе, как в области экономической, так и в области политической, что ведет к полной ликвидации остатков октября. Для власти менее всего удобны при этом анархисты. Она и поспешила заранее заключить их в политизоляторы. Не избег на этот раз этой участи и А. А. Боровой. Без какого-либо следствия и суда, простым постановлением ГПУ, он был арестован, и сослан в Вятскую губернию.

Могло ли быть против него какое-либо обвинение? Никакого. Он просто был слишком велик, слишком чист в условиях большевистского режима последней марки. На фоне той всеобщей «перестройки» русской революции, которой предается сейчас власть, он был неудобен, как большой ум, прекрасно видящий все детали этой перестройки и понимающий ее смысл. И насилием ГПУ он был загнан в вятскую глушь. Это может служить лучшей характеристикой строя, в котором не имеют себе места такие светлые и пролетарской свободе преданные личности, как Алексей Алексеевич Боровой.

ГПУ СОСЛАЛО ВНОВЬ ТОВ. БОРОВОГО

Корреспонденция из России)

Согласно сведениям из достоверного источника наш товарищ Алексей Боровой сослан уже месяц тому назад в Вятку на 3 года. Так как эта ссылка произведена обычными методами ГПУ, т. е. по приговору в четырех стенах без присутствия подсудимого, без свидетелей обвинения и защиты, без адвоката, даже без опубликования приговора, нам невозможно было узнать официальной мотивировки этой кары.

Тов. Алексей Боровой выдающаяся фигура в русском анархическом движении; его работы по анархизму, опубликованные в годы после октябрьской революции, когда анархическая мысль не была еще запрещена — прекрасны по своей искренности, глубине и силе.

Тов. Боровой не только талантливый писатель, но и ученый; до 1929 года он состоял профессором Московского университета. Русское правительство, обеспокоенное популярностью его лекций среди студенческой молодежи — лишило его кафедры. В атмосфере стоячего болота официального обучения, где разрешается только защита узкого марксизма, научные и глубоко-обоснованные лекции материалиста Борового слишком выделялись своей свежестью — и этого не могли вынести официальные схоластики. Даже наиболее пропитанные официальным катехизисом ленинизма молодые коммунисты, честные фанатики, стали поддаваться, помимо даже их желания, анархическому влиянию т. Борового.

Ибо Боровой могущественный уничтожающий оратор. Большевистское правительство старалось как можно чаще мешать ему выступать, уничтожало все возможности, где талант его мог бы развернуться.

Но когда, лицемерно красуясь своим свободолюбием, московские диктаторы разрешали один или два собрания в год по случаю какого либо выдающегося события, или памяти великих учителей анархизма — тогда выступления на этих собраних тов. Борового бывало истинным праздником для рабочих, жаждавших свободного слова и массами приходивших его слушать. Эти выступления были — струей чистого воздуха среди сухих, педантичных формул официального марксизма, вымученных и душимых со всех сторон, чтобы подвести их под тактику какого либо большевистского сатрапа на день, формул, которые завтра, может быть, будут клеймиться, как оппортунистические.

Так среди переполненных аудиторий студентов и рабочих, когда звучал металлический голос т. Борового, рисовавшего, как живых Бакунина и Кропоткина, слушателям самим становилась ясна та огромная разница, которая существует между учениями этих великих людей, величием и правдой проповеди пролетарской свободы и мелочностью доводов официальных оппонентов из большевиков.

Последним делом Борового была защита памяти Михаила Бакунина, оскверненной советскими борзописцами на сталинском жаловании. Последние пробовали открыть в одном из самых отрицательных типов Достоевского образ великого Михаила. Т-щу Боровому удалось, хотя он должен был ограничиться только ролью литературного критика чтобы избежать насилия сталинской

диктатуры, разбить этот, преследовавший политические цели, миф.

Конечно, искренний голос революционера, защищающий интересы пролетариата, голос к тому же сильный, увлекающий — не мго быть терпим в теперешней России.

И вот он теперь задушен в болотах и лесах Вятки.

Пролетарии Европы, неужели вы и эту новую подлость большевиков молчаливо допустите и не подымете голос протеста?

Корреспондент.

ВЫСШАЯ ОЦЕНКА

Она дана «рабочему» («социалистическому», тож) правительству в Англии представителями крупного капитала и идеологами буржуазно-империалистического национализма.

Это «рабочее» правительство, как известно, начало с протеста против того, что консервативный кабинет Болдвина недостаточно энергично защищает национальные интересы Англии в дележе сдираемой с Германии, (т. е. с германских рабочих) шкуры. Представитель «рабочего» правительства на политической конференции в Гааге — министр казначейства Сноуден пред'явил такие узко-националистические требования, что даже матерые капиталистические волки крякнули, — столь эти требования разоблачали лицемерие слов о «братстве» и о «мире всего мира», которые распевали с'ехавшиеся в Гаагу буржуазные миротворцы.

Даже орган русских меньшевиков, у которых голова кружится оттого, что «их партия» получила в Англии власть, путанно признается в этом.

«Когда он (Сноуден) добивался увеличения английской доли в добыче победителей, хотя бы за счет усиления материальных жертв Германии и экспроприации мелких участников «победы»; или когда он обязывал Италию закупать в Англии тот миллион тон угля, который она до сих пор получала в виде репарационных платежей «натурою» из Германии, и таким образом принимал меры к смягчению безработицы английских углекопов за счет углекопов германских, то приходится признать, что не пролетарский интернационализм, а национальные интересы Англии диктовали Сноудену эти требования» («Социалистический Вестник», от 11 сентября 1929 г.).

Зато Сноуден, вернувшись с гаагской конференции в Лондон, был встречен толпами мелкой и крупной буржуазии, как *национальный герой.*

Успеху «рабочего» правительства *на капиталистическом поприще* начинают завидовать даже сами консерваторы. Такого почета со стороны буржуазного общества, какой получает правительство Макдональда, они никогда не имели. И они начинают об'яснять этот успех тем, что «рабочее» правительство... продолжает политическую линию консерваторов. Вчерашний премьер министр консервативного кабинета Болдвин выступил с декларацией, в которой заявил, что упрочнение «рабочего» правительства об'ясняется тем, что правительство благоразумно уклоняется от выполнения обещаний, данных рабочему классу во время предвыборной кампании, что оно все время держится рамок *национально*-демократической политики, а не политики труда. «Социалистическое правительство — заявляет он с насмешкой и похвалой в своей декларации — воспользовалось парламентскими вакациями, для того, чтобы получить отпуск... от социализма». За это консерваторы обещают поддержку «социалистическим» министрам, поскольку они и дальше будут вести «работу» в том же, буржуазно-нацональном духе.

Словом признание «рабочего» правительства со стороны «своей» буржуазии полное.

Но то же восхищение деятельностью английского «рабочего» правительства высказывает буржуазия всех стран. Американская буржуазия готовит Макдональду настоящую царскую встречу. Эта встреча должна послужить укреплению связи двух могущественных морских империалистов — Англии и Америки, продолжающих шествовать путями старой империалистической политики.

Всеобщее восхваление и всеобщая положительная оценка. К хору этого восхваления присоединился на днях и глава венгерского фашизма, регент Хорти. В речи, произнесенной на освещении памятника жертвам войны, он, между прочим, заявил:

«Еще не наступил момент для перемены политики. Когда среди венгерских рабочих появятся свои Макдональды, Гендерсоны и Сноудены, способные защищать интересы отечества так, как это делают нынешние английские министры, — тогда в правительстве найдутся места и для представителей нашей рабочей партии».

Комментарии, полагаем, излишни. Добавим лишь, что Хорти — это палач венгерской рабочей революции и душитель всех форм и видов рабочего движения в Венгрии по сегодняшний день. Если уж он восхищен национальной политикой Макдональдов, Гендерсонов, Сноуденов и т. д., и дает ей высшую оценку, то можно представить себе, какой тяжестью падает эта политика на плечи английского и международного пролетариата. Впрочем, английский пролетариат уже дал знать о тяжести этой политики рядом экономических стачек и борьбою против все усиливающейся безработицы.

В КОМСОМОЛЕ НЕБЛАГОПОЛУЧНО

В «Правде» от 16 июня с. г. напечатана редакционная статья, посвященная открывавшейся на другой день всесоюзной конференции комсомола. Само название этой статьи — «За большевистскую идейность» — характерно и невольно настораживает всякого, мало-мальски вдумчивого читателя. Содержание ее еще более заманчиво. Начинается статья, как и все казенные писания этого рода, победными криками, хвалой и лестью комсомолу. «Комсомол на деле, всей своей практикой боролся и борется за генеральную линию большевизма». Комсомол «еще раз показал, что он является надежным помощником партии, непоколебимо стоящим под ее знаменем и на ее позициях». «Комсомол выступил в поход за урожай и

коллективизацию сельского хозяйства». Комсомол «выступил застрельщиком социалистического соревнования». Словом, комсомол везде и всегда в первых рядах по части проведения директив и всякого рода ударных заданий, вырабатываемых на вершинах большевистского Синая. Казалось бы, большего и лучшего правящей партии и желать не приходится. На самом же деле, все приведенные песнопения комсомолу являются только вуалью, которой прикрываются ряд иных, далеко не большевистских сторон комсомола. Оказывается, комсомол в целом и по частям болеет различного рода уклонами. Оказывается, как заявляет в особом постановлении Ц. К. партии, «многие комсомольские ячейки в своем увлечении чисто культурнической работой проходят мимо важнейших политических кампаний, не втягивают молодежь в практику строительства социализма, не ведут систематической работы в области изучения молодежью революционной теории». (Под «революционной теорией» большевики, конечно, разумеют теорию своей «непогрешимой» ленинской церкви).

Оказывается, комсомол страдает «известной значительной засоренностью его рядов классово чуждыми, а то и прямо кулацкими элементами, размагничивающими пролетарскую волю союза, стаскивающими в ряде мест низовые организации с классовых рельсов». Оказывается, далее, что в ряде мест органы компартии руководят комсомолом методами «зажима самодеятельности комсомольцев».

Комсомол — Всесоюзный коммунистическй союз молодежи — хотя и поставлен на идейную базу «ленинизма», тем не менее он формально считается не связанным партийной программой и партийной дисциплиной. Он включает в себя около миллиона молодых рабочих и крестьян, которые лишь подготовляются к партийному крещению, к вступлению в лоно единой большевистской церкви. Среда и социальный состав его далеко не однородны.

Нет ничего удивительного в том, что в этой среде, еще не обезличенной партийной муштрой, происходят различные «процессы» и «уклоны» от партийных начертаний и что многие партийные организации в подобных случаях действуют «методами зажима комсомольской самодеятельности», т. е., яснее выражаясь, методами чекистской полицейщины.

Все это заставляет бить тревогу большевистские верхи. И в статье, начатой с восторженной хвалы комсомолу, они дают этому последнему ряд элементарных наставлений нащет того, что необходимо проникнуться как можно больше большевистской идейностью. На основе большевистской идейности партия предлагает комсомолу *«твердо держать курс на всемерное развитие инициативы и самодеятельности масс,* что не исключает, а наоборот, предполагает *укрепление твердого пролетарского руководства в союзе»*.

Святые отцы большевистской церкви, предпочитающие «убеждать» не столько словом, сколько наганом и кинжалом, при том не столько открыто, сколько закрыто, в подвалах, — эти отцы не могут понять того, что их иезуитские истины не все могут постигнуть. Что их истины доступны, главным образом, лишь тем, кто по приказу начальства готов топтать всякую идею и всякую личность, но непостижимы тем, кто хочет быть честным перед собою и перед страдающими порабощенными массами труда.

Говорить о «всемерном развитии инициативы и самодеятельности масс» и в то же самое время «укреплять твердое пролетарское руководство в Союзе» (ГПУ), которое за малейшую свободную мысль пролетария, за малейшую попытку самодеятельности и инициативы на десятки лет законопачивает этих пролетариев в тюрьмы — не есть ли это верх иезуитизма, верх предательства рабочего и надругания над его мыслью и совестью? Рабочий класс России, знает, что в его рядах находилось много самоотверженных борцов за социальную революцию, которые десятками лет будили в массах революционную инициативу и самодеятельность и которые таинственно исчезли из среды рабочего класса, как только большевики «укрепили свое твердое руководство». Не об'яснит ли это почтенное «руководство» (ГПУ), по какой причине и куда исчезли эти заслуженные борцы пролетариата — например, Николай Рогдаев, Бармаш, Худолей, Кайданов-Иловайский, Отверженный, Хархардин и мн. другие, — и не позволит ли оно широкой рабочей массе из уст этих исчезнувших узнать причину их исчезновения?

Святые отцы большевистской церкви, разводящие демагогию на великой идее инициативы и самодеятельности масс, на это естественное и элементарное требование рабочих могут только оскалить свои страшные зубы, и в этом скажется их настоящее, и не показное, нутро.

Не видеть этого отвратительного нутра не могут сознательные и честные рабочие — комсомольцы. И что ни дальше, — нутро это будет виднеться все больше и больше, и уклоны в комсомоле будут расти все более и более, несмотря на угрозы и заклинания отцов церкви.

Не впервые советская пресса, льстя комсомолу и расточая ему всяческие похвалы, нет-нет да и забьет тревогу по поводу различных уклонов в нем, — то по поводу уклона в сторону анархизма, то по поводу уклона в сторону «беспартийности», то, как в последнем случае, в сторону чистой культурнической работы.

Все эти уклоны говорят об одном: несмотря на усиленную большевистскую обработку, комсомол таит в себе не мало здоровых элементов, которые даже в настоящих тяжелых условиях партийной диктатуры ищут новых идей и новых путей в борьбе за будущее рабочих классов. Нет никакого сомнения в том, что идеи анархизма, организованные и внесенные в среду комсомола, встретят там огромное сочувствие и поддержку.

П. А.

ГААГА

Сердце каждого правоверного социалиста, вероятно, дрожало от радости, когда он читал, как товарищ «молодец из Иоркша» обделывал под орех буржуазного министра финансов Франции. Вероятно, в этой демонстрации Сноудена многие социалисты видели мощь социалистических министров, их бесцеремонность с буржуями. Если социалисты *так* могут говорить со своими

классовыми противниками, то дни Мессии уже не за горами...

Но увы! В Гааге не говорили между собою два классовых противника социалист Сноуден и буржуй Шерон, а два министра двух империалистических стран, каждый не желавший выпустить добычу, каждый старавшийся побольше выиграть. Больше того, — как отмечают даже буржуазные газеты, ни одна из многочисленных конференций послевоенного времени не протекала в такой нервной атмосфере ультимативов и циничного торга, как гаагская — и это благодаря социалисту Сноудену. Социалист всегда старается служить особенно верно буржуям, вернее чем даже это нужно — и Сноуден только подтвердил эту истину. Он хотел быть больше католиком чем папа, больше «защитником английских интересов», чем Чемберлен. Последний, во имя европейского «мира» считал возможным отказаться от нескольких десятков миллионов марок, Сноуден шипел и горячился, пока их не получил.

Дело в том, что в Гааге происходил дележ, окончательный дележ прибылей от последней войны. Естественно, что каждому хотелось поймать кусок пожирнее. На этой конференции преступление капитала, стоившее миллионов человеческих жизней, море крови и слез — было переведено на язык марок и долларов. Каждый старался возможно лучше поживиться и один из самых циничных ловцов за наживой был горячий «молодец из Иоркша» и лидер социал-демократов.

Любопытно, как сами социалисты об'ясняют циничность Сноудена. Дело, де, в том, что Италии удалось захватить весьма крупное медвежье ушко. Это вывело из себя социалиста, заставило заиграть и закипеть его холодную кровь. Чтобы не дать слишком разбогатеть фашистам, социалист Сноуден и бросился в атаку. К таким об'яснениям комментарии излишни.

Но Гаага не только показала во всем блеске «защитников пролетариата» социалистов. Она также показала, что «все хороши». Под пышными фразами о миролюбии, о «ликвидации войны», в сущности, загорались конфликты, зачинались причины новой войни. И то, что соглашение состоялось, отнюдь не означает, что все участники дележа довольны. Это значит только, что до поры, до времени недовольным надо ждать. Так последствия одной войны являются той точкой, откуда берут свое начало новые конфликты, новые войны.

Так было до сих пор, так будет и дальше. Пока пролетариат не поймет, что дело братской связи между народами соседями нельзя оставить в руках буржуазных политиков и социалистических подхалимов, что работа их к умиротворению боровшихся, ведет прямохонько к новой пробе сил, до тех пор, господам дипломатам войны не страшны. Своих цилиндров они на солдатские фуражки не меняют.

Я. Зинский.

ТАЙНЫ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ДИАЛЕТИКИ

1. Самокритика.

В течение последнего года лозунг «самокритики» не сходит со страниц большевистской печати в СССР. Ему отводят колоссальное место в каждом номере «Правды», «Известиях» и проч. сов. изданиях. «Самокритика — одна из серьезных сил, двигающих вперед социалистическое строительство» — «Дорогу рабочей критике снизу» ,такие лозунги, напечатанные огромными буквами через всю страницу, пестрят в каждом номере «Правды» и «Изв.», а за ними идут длиннейшие статьи, раз'ясняющие значение самокритики, или показывающие, в каком месте и как идет самокритика. Судя по советской печати, идет она не важно. В тех же газетах то и дело читаешь, что в разных местах самокритика зажимается начальством. Часть большевиков стоит за самокритику, другая часть противодействует этому лозунгу.

Что же это за зверь такой, — самокритика? Теперь это уже ни для кого не секрет. Те рабочие, которые с первых дней лозунг самокритики поняли, как право свободно излагать свои мнения и свободно критиковать мнения других — заблуждающихся или злоупотребляющих — эти рабочие жестоко ошиблись. Они скоро убедились в том, что самокритика явилась западней для тех, кто жаждал свободного слова в своей среде, кто горел желанием свободно высказать свое мнение. Всех таких рабочих советская власть при помощи «самокритики» последовательно выловила и под знаком контр-революционеров разослала по Сибири, Туркестану, Соловкам и т. д. Эта полицейская функция самокритики является не случайностью, а вполне определенным заданием, предусмотренным свыше. Еще Троцкий в своем директивном письме к оппозиционерам заметил, что самокритика наполовину является провокацией. Троцкий — все же большевик, хотя и опальный, поэтому всей правды о большевистских преступлениях он вообще не скажет. В смысле провоцирования рабочих, не имеющих веры в непогрешимость большевистской партии, самокритика является не на 50, а на все 100 проц. провокацией. Мы утверждаем, что не найдется *ни одного* рабочего, который, допустив критику ныне царствующего Сталина и его клики, не попал бы под те или иные удары ГПУ.

Какой же смысл вкладывают большевики в идею самокритики? Смысл этот полностью отвечает диалектическим трюкам большевиков. Его прекрасно вскрывает Ем. Ярославский в своей речи на краснопресненской районной партконференции от 1 сентября с. г. Он говорит: «*в нашем пролетарском государстве мы являемся монопольной партией, где только мы сами себя можем критиковать*», («Пр.» 4 сентября 1929 г.). Ценное по откровенному цинизму признание: во-первых, «мы монопольная партия», а во-вторых, «мы только сами можем критиковать себя». Позволительно спросить, каким же образом установилась в «пролетарском государстве» партийная и государственная монополия большевиков? Где тот «голос трудящихся», который установил эту монополию? Этого голоса никто не знает, его нет. Сами большевики ссылаются на эпоху диктатуры. Последняя

же, т. е. диктатура, как всем известно, является выражением насилия партии над всеми несогласными с нею. Таким образом, на монопольное царство большевики сами себя помазали. Отсюда естественно следует, что критиковать их могут только они сами. Всем прочим смертным это воспрещено. Выражение *самокритики* находится в точной согласованности с идеей самодержавной большевистской власти. — Мы можем критиковать только сами себя, но другим не позволим, — это такой ясный, понятный смысл большевистского лозунга самокритики, что становится прямо досадно, как это рабочие с первого же дня не поняли его.

Но «мы» — это далеко не вся партия; это даже не Центральный Комитет партии. Это та самодержавная клика во главе со Сталиным, которая при помощи ГПУ и армии держит у себя в подчинении и партию и весь рабочий класс.

В чем же заключается большевистская самокритика? А в борьбе с теми явлениями в большевистском самодержавии, которые в слишком позорном виде выставляют самих самодержцев и угрожают их существованию. Вот, например, «смоленская панама». Фабрично-заводская администрация и партийное руководство учинили такой зажим, такой произвол над рабочими массами, что проклятия «советской» власти со стороны рабочих неслись открыто. Вот «астраханское дело», где также, как и в Смоленске, все партийное руководство занимается открытыми хищениями, попойками, зажимом рабочих. Вот многочисленные «красные» директора, вводящие на заводах и фабриках режим «чего моя левая нога хочет» и создающие из подчиненных им женщин-работниц гаремы.

Бесконечным количеством таких язв покрыто придушенное тело рабочего. Как быть в таких случаях? Критиковать ли виновных, наказывать ли их? Часть большевиков того мнения, что не дело широких масс знать те или иные «слабости» их вождей. Вождям многое простительно. Открытая же критика их поведения только подорвет авторитет партии, — «единственной представительницы» рабочего класса. Они, поэтому, против всякой критики и самокритики и где могут, душат ее. Другая, более дальновидная часть большевиков, сознает, что широкая рабочая масса прекрасно знает все подлости, творимые большевистскими держимордами, обсуждает их и делает свои заключения. Что же лучше? — Предоставить ли массе критиковать представителей партии и власти или партия и власть в таких случаях в свою очередь должны осудить виновных? Лучше, конечно, второе. Ибо если партия будет покрывать всех своих агентов, то масса станет рассуждать и естественно дойдет до корня всех произволов—до центральной власти, и тогда беда неминуема. Поэтому в случаях вопиющего бесправия и зажима, когда акты произвола и стяжательства бьют всем в лицо и их нельзя замолчать, необходимо *самой* власти, *самой* партии подвергать провинившихся критике и осуждению. Тогда в массах создастся впечатление, что власть зорко следит за интересами трудящихся. Это и есть *само-критика*. Цель ее заключается в том, чтобы *сосредоточить внимание масс* на отдельных мелких фактах злоупотребления советскими чиновниками и партийцами и отвлечь их внимание от главной причины, — общего режима держимордия, установленного большевистской кастой в стране, от которого и проистекают все местные зажимы. В отношении же этого общего режима не допускается ни критика, ни самокритика, ни даже намек на них. Область, где орудуют главные зажиматели и угнетатели рабочего тела и рабочего духа, считается священной, неприкосновенной. Там за всякое слово критики смельчак должен поплатиться своей свободой, а то и жизнью. В вышедшем недавно «Бюллетене-Оппозиции (№ 3-4) Троцкий пишет: «в постановлениях 1928 г. о самокритике имеется *тайный параграф, из'емлющий центральный комитет*, точнее сказать, верхушку сталинской фракции, *из под действия критики вообще*». Троцкий несколько запоздал со своим признанием: на своих спинах рабочие хорошо познакомились с этим тайным параграфом и он давно не является тайной для тех, кто находил в себе мужество высказать сомнение в святости большевистского режима держимордия.

Таков тайный смысл большевистской самокритики. В следующих статьях мы постараемся раскрыть не менее тайный смысл так называемой «чистки» и режима социалистического соревнования, проводимых большевистской диктатурой последнее время в СССР. *М — ин.*

ЕЩЕ К ВОПРОСУ О «СИНТЕЗЕ»

В своей статье «На старые темы»*) я остановился, главным образом, на вопросе о нашем, анархо-коммунистическом отношении к так наз. «анархическому синтезу». В ней я, между прочим, писал, что «нам не нужен искусственно и произвольно построенный синтез. У нас есть естественный и давно признанный синтез: анархизм *и* коммунизм». Возвращаясь к этому вопросу еще раз, я считаю нужным отметить, что т. Нетлау — лучший знаток и историк анархизма — в своей статье «Симбиоз», помещенной в анархическом сборнике «Арбэйтэр Фрайнд» (Париж), высказывается *отрицательно* по отношению к анархическому синтезу. По его мнению, «анархический синтез» не выражает того, что надо было в действительности сделать», и вместо «синтеза», он предлагает «симбиоз», т. е. дружеское или товарищеское сожительство. Члены таких сожительств, разбросанных по известной территории, борясь за общую цель — анархизм, — должны свободно проявлять свою деятельность, не вмешиваясь в деятельность членов других сожительств.

Но все это возможно будет, как логично понимает т. Нетлау, не теперь — в подготовительный или дореволюционный период анархизма, а «в конце эволюционного процесса, т. е. когда анархический идеал получит возможность практически осуществляться».

С таким взглядом на синтез не трудно согласиться, тем более, что в учениях двух лучших теоретиков анархизма — Бакунина и Кропоткина — вопрос о синтетическом понимании анархизма трактуется именно в смыс-

*) См. «Д. Тр.», № 50.

ле его завершительного эволюционного процесса.

Всякий, кто знаком с учением Бакунина, в особенности с развитием его философских взглядов, знает, должно быть, что синтетическое понимание анархизма всегда имелось им в виду при *конечной победе* анархического идеала. Последовательный мыслитель, сторонник левого крыла Гегелевской философии, Бакунин в своем учении исходил из следующей философской триады: тезиса, антетезиса и синтеза. В противоположность *утверждению* понятия о власти или государственности, Бакунин устанавливал *отрицание* этого понятия через антигосударственность или анархию, *завершающуюся* революционными принципами федерализма. И в примирении или слиянии различных анархических тенденций он усматривал залог торжества анархического идеала.

В учении Кропоткина, как известно, анархический коммунизм основывается на двух главных стремлениях или тенденциях: на тенденции к экономическому равенству и на тенденции к политической свободе. «Анархизм неизбежно ведет к коммунизму, а коммунизм — к анархизму», говорит Кропоткин в своей книге «Хлеб и Воля». Следовательно, анархический коммунизм есть *синтез* этих двух целей, преследовавшихся порабощенным человечеством во все времена истории. И устанавливая неразрывную и естественную связь между философским мировоззрением Бакунина и экономическим мировоззрением Кропоткина, нельзя не прийти к выводу, что синтетический идеал анархизма сможет осуществиться лишь *после* реализации идеалов анархического коммунизма. И это прекрасно понял т. Нетлау, указывающий на то, что построение анархического синтеза возможно будет в конце эволюционного периода анархического строительства.

Но, высказываясь против анархического синтеза, т. Нетлау не примыкает, однако, к анти-синтетическому направлению: своим «симбиозом» он занимает до известной степени особую, своеобразную «позицию». Теоретически он склонен видеть в анархизме четыре вариации или течения: коллективизм, коммунизм, синдикализм и индивидуализм. Каждое из этих четырех течений имеет «свое историческое право на существование», и практика грядущего анархического строительства покажет, какое именно течение будет наиболее успешно. Практически он сторонник смешанной формы анархической организации, верующей в «анархизм без ярлыка», т. е. того неопределенного, *хаотического* направления в анархизме, против которого именно выступают анти-синтетики! «Синтез» для него не исцелительное средство. «Не преждевременные синтезы, а содружество и взаимную работу анархистов» считает он панацеей против теоретических и организационных недугов современного анархического движения. Но в тоже самое время, т. Нетлау считает «синтез» средством к об'единению анархистов будущих времен, а «симбиоз» — средством к примирению анархистов в настоящее время. Но я прихожу к логическому выводу, что «симбиоз» ничто иное, как «синтез» на изнанку!

Л. Липоткин.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КЛАСС С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ АНАРХИЗМА

Каждая партия имеет собственное представление об общественном классе. С.-д-ты и коммунисты делят общество на классы по признаку отношения к орудиям и средствам производства. С.-ры делят общество на классы по признаку распределения, т. е. на эксплоатируемых и эксплоататоров. Коммунистический анархизм имеет собственную точку зрения по данному вопросу и делит общество на классы монополистов и обездоленных. Правда, терминология у нас не установилась и определения понятия общественного класса мы не найдем ни у Бакунина, ни у Кропоткина. Тем не менее, все необходимые элементы для установления границ между классами мы находим у обоих основоположников коммунистического анархизма.

Бакунин устанавливает границы между классами следующим образом: «Было бы несправедливо утверждать, что привилегированный класс чужд труда. Напротив, в наши дни члены его много работают, число совершенно бездеятельных уменьшается..., ибо наиболее счастливые понимают уже теперь, что для того, чтобы быть в состоянии пользоваться привилегиями и сохранить их, надо много трудиться.

«Но между трудом достаточных классов и рабочих та разница, что труд первых *оплачивается бесконечно лучше труда вторых,* и потом, оставляют привилегированным *досуг,* это необходимое условие человеческого, как умственного, так и нравственного развития — условие, никогда не существовавшее для рабочих классов. Кроме того, труд, производимый привилегированным миром, — почти исключительно *нервный труд,* — работа воображения, памяти и мысли; — между тем, как труд миллионов пролетариев, это *труд мускульный,* и часто, как например, на фабриках, этот труд упражняет не всю мускульную систему человека, а развивает лишь какую-нибудь часть ее во вред другим, и совершается обыкновенно в условиях вредных для здоровья тела и противных его гормоническому развитию...

«В конце концов ремесленные и фабричные рабочие и земледельцы образуют вместе одну и ту же категорию, категорию *мускульного труда,* противоположную привилегированным представителям *нервного труда*»1).

Таким образом, с точки зрения Бакунина, общество делится на классы по признаку разделения труда на нервный и мускульный и различной величины дохода. Господствующие классы занимаются нервным трудом, а угнетенные — мускульным, причем первые получают более высокий доход, чем последние.

Второстепенные условия, как досуг и более гигиеничная обстановка, не являются существенными признаками, так как они переходящи и уже мало характерны для нашего времени.

Из учения о том, что разделение труда на нервный

---

*) Все примечания см. в конце статьи.

и мускульный служит причиной разделения общества на классы, необходимо сделать вывод, что уничтожение классов возможно лишь с упразднением разделения труда на нервный и мускульный. «Современному разделению на интеллигентный и физический труд мы противопоставляем сочетание того и другого» — говорит Кропоткин в книге «Поля, фабрики и мистерские», делая логические выводы из теоретических предпосылок Бакунина2).

Кропоткин углубил постановку вопроса, данную Бакуниным, и поставил вопрос об упразднении разделения физического труда на промышленный и земледельческий. «Идеалом — говорит он, — является такое общество, где каждый трудится физически и умственно, где... человек работает в поле и в мастерской»3). Из положения Бакунина о различной величине дохода у различных общественных классов, Кропоткин делает вывод о том, что для уничтожения классов необходимо проведение принципа распределения по потребностям4).

Таким образом, в основу разделения общества на классы, теоретиками коммунистического анархизма — Бакуниным и Кропоткиным — кладутся два признака: разделение труда и различие жизненного уровня у разных категорий труда, связанных взаимным обменом.

Таким образом, на основании указанных предпосылок, мы должны различать в современном обществе господствующий класс, состоящий из монополистов земли, капитала и знания, представители которого заняты той или иной формой умственного труда (за исключением паразитической группы рентьеров) и имеют высокий жизненный уровень, и угнетенный класс, представители которого заняты физическим трудом и имеют ниский жизненный уровень.

К господствующему классу принадлежат капиталисты и помещики. Высокооплачиваемые представители умственного труда, имея известный непотребленный остаток от своих доходов, становятся владельцами капитала или земля, сливаясь с господствующим классом.

К угнетенному классу принадлежат рабочие, крестьяне и отчасти кустари-ремесленники. Между господствующим и угнетенным классом имеется ряд переходных ступеней. Работники умственного труда, имеющие ниский жизненный уровень, и работники физического труда, имеющие высокий жизненный уровень, одинаково принадлежат к промежуточному классу.

Так, о высоко-квалифицированных рабочих Бакунин пишет следующее: «В Италии не существует, как во многих других странах Европы, особого рабочего слоя, уже отчасти привиллегированного, благодаря значительному заработку, хвастающегося даже в некоторой степени литературным образованием и до того проникнутого буржуазными началами, стремлениями и тщеславием, что принадлежащий к нему рабочий люд отличается от буржуазного люда только положением, отнюдь же не направлением»5). Таким образом, высокий жизненный уровень, приближающийся к жизненному уровню низших слоев буржуазии, ставит высоко-квалифицированных рабочих, по кругу их интересов, в ряды промежуточных классов.

Что же касается крестьян, то у них жизненный уровень ниже, чем у фабрично-заводских рабочих и едва достигает жизненного уровня чернорабочих. То обстоятельство, что крестьяне являются владельцами орудий и средств производства, не должно служить поводом для отнесения их к промежуточному классу: если крестьянин владеет орудиями и средствами производства, то фабрично-заводской рабочий владеет некоторыми знаниями, которые тоже являются своего рода капиталом, причем владение им обеспечивает рабочим более высокий жизненный уровень, чем тот «капитал», которым владеет кретьянин.

Мысль о том, что знание есть своего рода капитал, когда оно доступно только некоторой части общества, Кропоткин неоднократно развивал в беседах с товарищами. В книге «Хлеб и Воля» он пишет: «Мы знаем, что если в настоящее время инженер, ученый или врач получают в десять или в сто раз больше, чем рабочий, и что если ткач получает втрое больше, чем крестьянин и в десять раз больше, чем работница на спичечной фабрике, то это зависит вовсе не от «издержек на их производство», а от монополии на знание или в пользу промышленности. Инженер, ученый и врач просто эксплоатируют известный капитал — свой диплом — подобно тому, как заводчик эксплоатирует свой завод»6).

Таким образом, отсутствием этого особого вида капитала — знания — об'ясняется, почему крестьяне, ушедшие в город на заработки, наполняют нисшие слои пролетариата.

Крестьянство, неоднородно по своему составу и по жизненному уровню делится на три слоя: высший, средний и нисший. Высокий жизненный уровень имеет следствием привлечение наемной рабочей силы, что служит переходной ступенью к такому хозяйству, где владелец перекладывает физический труд на плечи наемных рабочих, оставляя себе только умственный труд по управлению хозяйством. Поэтому, высший слой крестьянства должен быть отнесен к промежуточному классу, переходному к капиталистическому.

Нисший слой крестьянства отличается ниским жизненным уровнем, что обусловливается, обычно, недостаточностью рабочей силы в каждом хозяйстве и нехваткой инвентаря. Бедняцкие хозяйства также, как и хозяйства высших слоев, прибегают к найму рабочей силы. Однако, здесь нет никаких признаков разделения труда на умственный и физический, и, кроме того, наемную силу чаще всего они берут в многосемейных середняцких хозяйствах, члены которых имеют более высокий жизненный уровень, чем члены бедняцких хозяйств. Таким образом, нельзя считать, что бедняцкие хозяйства эксплоатируют труд наемных работников, а необходимо учитывать, что и само бедняцкое хозяйство и его наемный работник одинаково эксплоатируются теми хозяйствами, с которыми они находятся в отношениях обмена продуктами, причем члены упомянутых других хозяйств имеют более высокий жизненный уровень.

Середняцкие хозяйства обнаруживают некоторые колебания жизненного уровня своих членов в зависимо-

сти, главным образом, от многосемейности и малосемейности, но сравнительно отчетливые границы между ними и хозяйствами, как высших, так и нисших слоев крестьянства, проходят по линии наемного труда. Высшие слои имеют такой жизненный уровень, который дает им возможность пользоваться наемным трудом и, на более высокой ступени развития, приступить к перекладыванию физического труда на плечи наемных работников. Нисшие же слои, наоборот, для поддержания своего жизненного уровня должны прибегать к применению наемной силы в своем хозяйстве, ввиду нехватки или рабочей силы или инвентаря.

Следовательно, средние и нисшие слои рабочих и средние и нисшие слои крестьянства, с нашей точки зрения, должны быть отнесены к угнетенному классу, высшие слои рабочих, высшие слои крестьянства и средние и нисшие слои служащих — к промежуточному классу, а буржуа, помещики и высшие слои служащих — к господствующему классу.

Таким образом, Бакунин и Кропоткин, по признаку разделения труда и различия жизненного уровня, делят современное общество на «класс людей, обреченных на ручной труд, а рядом с ним другой класс, именующий себя работниками мысли, избавленный от такого труда»7). Коммунистический анархизм является выразителем воли угнетенного класса — работников физического труда, имеющих нисший жизненный уровень, т. е. вышеуказанных слоев рабочих и крестьян.

Отсюда явствует, что борьба классов, с нашей точки зрения, есть борьба за жизненный уровень. Угнетенный класс, класс обездоленных, борется за повышение своего жизненного уровня. Устойчивое разделение труда и монополия земли, капитала и знания, а также охраняющая монополии власть, служат препятствием для повышения жизненного уровня угнетенного класса до жизненного уровня господствующих классов, т. е до равенства жизненного уровня.

Жизненный уровень определяется соотношением между потребностями и средствами их удовлетворения. Поэтому лозунгом анархической классовой борьбы становится принцип «каждому по потребностям». Необходимым условием для осуществления этого принципа служит уничтожение государственной власти, создающей и охраняющей монополии, уничтожение монополии земли, капитала и знания, уничтожение постоянного разделения труда. Другими словами, для уничтожения классов необходимо следующее: переход в общенародное достояние орудий и средств производства, а также прочих богатств, накопленных трудом предшествующих поколений, создание добровольных хозяйственных организаций и проведение интеграции труда.

Принцип разделения общества на классы по признаку раделения труда и различного жизненного уровня обусловливает своеобразие программы анархистов-коммунистов. Благодаря этому принципу анархисты-коммунисты иначе разделяют общество на классы, чем другие партии. Рабочие и крестьяне (обе группы без высших слоев), с точки зрения анархистов-коммунистов, относятся к одному общественному классу, волю которого и выражает анархическое движение. Этим анархисты-коммунисты коренным образом отличаются от с.-д. и коммунистов большевиков, а также и от синдикалистов. Но интеллигенция, с точки зрения анархистов-коммунистов, относится частью к господствующему, частью к промежуточному классу. Этим ан.-ком. отличаются от с.-р. и других народнических течений. Считая разделение труда одной из главнейших причин разделения общества на классы, анархисты-коммунисты, стремятся к проведению в жизнь начал интеграции труда, т. е. сочетания промышленного труда с земледельческим и физического труда с умственным. Считая следствием распадения общества на классы различие жизненного уровня классов, ан.-ком. выдвигают лозунг «каждому по потребностям». Отношение же к монополии земли, капитала и знания у анархистов-коммунистов отрицательное.

W.

Примечания: 1) М. Бакунин, III т., 135 стр. и кроме того, II т., 35 стр., V т., 192 и 200 стр. и II т., 54 и 37 стр.; 2) П. Кропоткин — «Поля, фабрики и мастерские» 196 стр.; 3) Там же 14 стр.; 4) П. Кропоткин, «Хлеб и Воля» глава «Анархический коммунизм»; 5) М Бакнпин, I т., 61 стр.; 6) П. Кропоткин «Хлеб и Воля» 215 стр.; 7) Там же, 196 стр.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПРОБЛЕМА

Антисиндикальное течение в анархо-коммунизме

(Продолжение).

Что же представляет собой это антисиндикальное, касектански-проповедническое течение в наших рядах? Какова настоящая сущность этого течения, чем оно характерно под углом зрения ответа на различные вопросы теории, тактики и организации, стоящие перед нашим движением? Как оно решает все эти вопросы?

Представители этого течения анархо-коммунистической мысли большей частью выходцы из среды революционной интеллигенции, имели более или менее ясное представление об идеале будущего общества. Они основательно потрудились, пожалуй, больше всех других и довольно успешно над изложением и распространением общих принципов безвластного коммунистического общества. Они потратили не мало сил, энергии и недурно написанных страниц на доказательство исторической неизбежности наступления этой новой, свободной бесклассовой формы общежития в общей последовательной цепи развития человеческих обществ. Они доказывали возможность осуществления этого коммунистически-организованного общества. А также и то, что этот строй общественного общества вполне отвечает интересам стремящихся к своной жизни вполне отвечает интересам стремящихся к своему освобождению эксплуатируемых и угнетенных трудовых масс, а значит, поэтому не противоречит и общим человеческим идеалам и идее полного раскрепощения человеческой личности. В этом, я бы сказал, проповедничестве конечной цели анархо-коммунистичекого идеала и лежал центр тяжести работы этого течения. В вопросах революционной классовой борьбы трудящихся, в вопро-

сах так наз. второго дня социальной революции, понимания путей борьбы за коммунизм, путей созидания этого общества и т. д. — анархо-коммунисты этого направления отличались бунтарски-проповедническим пониманием всех этих вопросов и самого процесса революции. И с другой стороны, как и анархо-синдикалисты, так и все анархическое движение в целом, страдали большой неясностью, неопределенностью, отсутствием конкретной положительной программы практических задач революции, способов и формы их решения и т. д. Однако, причина слабости неясности в этих вопросах лежала не столько в суб'ективных свойствах этого течения и не только в нас самих. Незачем также сваливать вину в этом вопросе на наших учителей. Это было бы слишком наивно, идеалистическим представлением о ходе истории и процесса развития и формирования пролетарской идеологии. Здесь дело в том, что исторически, об'ективно в прешедствующую полосу развития мы не могли еще дать ясного исчерпывающего ответа на все эти вопросы в духе нашего учения.

Анархо-коммунизм, являясь подлинной идеологией борющегося труда, черпая свои идеи в самой трудовой жизни, в выстраданном опыте, не мог еще решать в полной мере всех этих вопросов, не имея в прошлой истории рабочего революционного движения достаточно накопленного для этого опыта. Лишь только теперь, после великой русской революции и классовых битв пролетариата последних лет, мы получили необходимый опыт для решения труднейших проблем второго дня социальной революции и путей борьбы за коммунизм. Вот, если мы эту, теперь уже об'ективно возможную, задачу не выполним, то в отличие от наших предшественников вина за это падет целиком на нас. Последующее поколение с полным правом может нас притянуть за это преступление к ответу.

И наконец, в третьем важнейшем вопросе — о роли и задачах идейного анархического меньшинства в классовой борьбе трудящихся, в понимании самой стратегии и тактики этой борьбы, это анрхо-коммунистическое течение, признавая в отличие от анархо-синдикалистского необходимость существования особых идейно-пропагандистских групп анархистов, вне производственных об'единений трудящихся, однако никогда как следует неспособно было организовать эти группы, это идейное меньшинство. Свою миссию они, как и огромное большинство нашего движения, видели в чистой проповеди. Дескать, бросай семя анархизма в массы, а дальше массы сами и т. д. Пропаганда словом или бунтарским «делом», открывающим глаза, пробуждающим массу и т. д. — вот их понимание своих задач вплоть до подготовки и организации революционной борьбы трудящихся. И что важнее всего, это весьма скверное или, вернее, совсем неорганизованное партийное революционное анархическое меньшинство, сильно зараженное анти-синдикальным духом, чрезмерно страдая проповедничеством и романтикой бунтарского пучизма и терроризма, чураясь широкой классовой организации трудящихся, их легальных форм и методов борьбы, блюдя чистоту своих конечных идеалов, видя в повседневной борьбе трудящихся за их нужды и интересы оппортунизм и недопустимый компромисс, анархо-коммунисты этого типа (анти-синдикалисты) шарахались от широкого массового движения, были в стороне от него. Они неспособны были организовать, об'единить широкие трудовые массы в борьбе за непосредственные нужды. Больше того, не видя в синдикальном движении орудия революционной борьбы трудящихся, усматривая в этих легальных формах борьбы сползание рабочего класса в болото оппортунизма, они были *принципиально* против своего участия в этих организациях. Признавая необходимость некоторой организации своих сил, как идейно-пропагандистского меньшинства, это весьма многочисленное в недавнем прошлом (особенно в России) крыло в анархо-коммунизме, всегда оставалось, может быть, прекрасным и героическим, но все же, только крохотным бессильным меньшинством революционно-идеалистического, романтического бунтарства, всяческих актов и феерических жестов. Или в лучшем случае — сектантским движением, никогда неподнимавшимся над уровнем пропагандистских братств. Они об'являли длительную непримиримую борьбу старому миру, но выступали в поход без всякой армии. Они способны были дать армиям борющегося труда прекрасное знание, идеал борьбы, но они не имели этой армии и неспособны были организовать ее под этим своим знаменем. Можно было подумать, что от одного только трубного звука прекрасной проповеди трудящиеся познают в них своих друзей, а твердыни капитализма будут разрушены. Они проповедывали прекрасный «конец», не умея как следует «начать», организовать борьбу за этот конечный идеал. Не даром их «противники» в нашей среде — синдикалисты и другие обвиняли этих товарищей в стремлении к немедленному осуществлению полного идеала анархического коммунизма на завтра. Недаром наши общие, уже действительные идейные противники из лагеря государственного социализма обвиняли за одно уже всех анархистов, весь анархизм в стремлении перепрыгнуть одним скачком из «царства необходимости в царство свободы». Не ведя никакой систематической «черноземной» работы по сплочению и организации масс в революционной классовой борьбе, по подготовке революции и т. д., ограничиваясь только одной проповедью, не выдвигая положительной программы борьбы за анархизм, они и впрямь, сами того не сознавая и не желая, могли создать впечатление таких «прыгунов».

Почти ничем не заполняя пропасть, отделяющую царство необходимости от царства свободы, им и впрямь ничего не оставалось, как только «прыгать» и «летать», уповая в остальном на самодеятельность и творчество массы. И они прыгали и летали. И не только они, но в значительной степени и все анархическое движение в первую полосу своего развития не так строило мост через эту пропасть, как пыталось скорее перепрыгнуть ее. Это течение в революционном коммунистическом анархизме, как в прошлом до-революционном и революционном периоде, так правда, в меньшей степени и в настоящем, как в России, так и на западе, являлось ничем иным, как движением сектантски-интеллигентской проповедью анархо-коммунистического идеала. Это ха-

рактеристика его более соответствует действительности, чем его претензии на право монопольного носителя идей анархического коммунизма, противопоставляющего себя всему прочему, как не анархо-коммунистическому.

3. Так называемый анархо-синдикализм*).

Что же представляет собой другое — синдикальное крыло в анархо-коммунизме, так наз. анархо-синдикализм? Тот «чистокровный», «стопроцентный» анархо-синдикализм, который боролся за свое самостоятельное существование, отстаивал свое право представлять анархизм в рабочем движении в борьбе с другими течениями внутри анархического лагеря?

Необходимо предварительно условиться, несколько разграничить понятия. Нельзя смешивать вообще синдикальное движение, т. е. массовое об'единение трудящихся на производственной основе, с анархо-синдикализмом, представляющим собою определенное *идейное направление* анархической, по существу *анархо-коммунистической* мысли в рабочем движении. Затем, нельзя, нелепо противопоставлять синдикализм анархическому коммунизму. Эти понятия совершенно неоднородны и лежат в различных плоскостях, а потому и не могут быть противопоставлены друг другу. Первый — являясь массовым об'единением трудящихся на производственной экономической основе борющихся за улучшение своей жизни — представляет собой одну из форм методов революционной классовой борьбы трудящихся. Анархо-коммунизм, представляя собой определенную систему взглядов, определенное представление о социальной экономической и политической структуре будущего общества, является целью, к которой стремится рабочее движение, и его революционный авангард. Первый (синдикализм) относится ко второму (анархо-коммунизму), как средство к цели. Так вот, нужно строго различать между синдикальным движением вообще и анархо-синдикализмом. Первое, не имея своей собственной идеологии, будучи не идейным, а лишь экономически производственным об'единением рабочего класса, находится под идейным влиянием различных групп, партий и течений политических мыслей. Второй, имея свою идеологию и являясь как бы носителем идей анархического коммунизма в рабочем движении, стремится идейно влиять на это синдикальное движение рабочего класса, перевести его под свое знамя, считая его — знамя — подлинным классовым знаменем борющегося труда.

Но необходимо также несколько уточнить само понятие анархо-синдикализма. Необходимо различать рабочее синдикальное движение, находящееся под влиянием анархических идей, ведущее свою экономическую борьбу под знаменем революционного анархизма, и которое совершенно правильно будет называться анархическим синдикализмом (в смысле анархиствующих синдикатов), от того идейного течения анархо-коммунистической мысли, неправильно называемого анархо-синдикализмом, которое стремится идейно влиять на это рабочее движение и которое правильнее было бы назвать синдикальным (рабочим, массовым — в смысле принятия синдикального метода, связи его с массами, участие в повседневной борьбе трудящихся и т. д.) — течением в анархо-коммунизме.

Андрей Бородин.

(Продолжение следует).

*) Говоря, так называемый анархо-синдикализм, я хочу этим подчеркнуть, что то течение в нашем движении, которое принято называть анархо-синдикалистским, по существу есть течение анархо-коммунистическое, что, пожалуй, правильнее его было бы называть синдикальным анрхо-коммунизмом. Как в этой главе, так и в других, понятие анрхо-синдикалистского течения (если оно специально не оговорено) следует понимать в указанном смысле.

И. В. ХАРХАРДИН

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ АНАРХИЗМА В РОССИИ

(Продолжение)

Глава III.

Другой русский писатель XVIII-го века, утопию которого следует отметить, — Михаил Дмитриевич Чулков родился в 1740 году и умер в 1793 г. Чулков также, как и Левшин, был разносторонне образованным человеком. Его служебная карьера закончилась назначением в 1790 г. на должность секретаря Сената. Его главная заслуга перед русской историей и литературой состоит в том, что он явился первым собирателем народной словесности во всех ее видах — поэзии, басен и сказок. Многие народные сказки, собранные им, были затем им литературно обработаны, переделаны и изданы в виде продукта его самостоятельного творчества 1). В 80-х годах XVIII столетия им было издано многотомное собрание таких сказок под названием «Пересмешник или Словенские сказки».

Среди них есть коротенький рассказ о путешествии сказочного героя Кидала на луну. Кидал видит во сне, что он перенесен птицей Рок в неизвестную страну, которая населена такими же, как он, людьми. В отступление от общепринятых в XVIII веке способов описания утопических стран, Чулков совершенно оставляет в стороне вопрос об описании прелестей природы и добротелей жителей. Естественные условия, в которых живут лунные люди, повидимому, нормальны или же близки к нормальным. Единственная особенность лунной природы состоит в мир-

1) Более подробно о нем см. заметку П. Щеголева в Энциклопедическом словаре, изд. Брокгауза и Эфрон, том XXXIX, стр. 31-33.

ном сожительстве разных животных — ехидны, хищные, птицы и ядовитые гады мирно совместно паслись, гуляли среди людей в населенных местах и никого не трогали. Что касается правов населения, то они проникнуты рационализмом. На луне «всякий человек, — говорит автор, — старается познавать самого себя, учиться быть добродетельным и покорять пристрастия свои собственному своему разуму 1).

Жители луны в своем экономическом развитии зашли уже довольно далеко. У них наблюдается широкое разделение труда. Так, из сказки мы узнаем, что хозяин того дома, куда впервые зашел Кидал, был ремесленником; кроме того, на луне есть и философы. В то же время Чулков сообщает, что питание жителей было чисто растительное. Следовательно, на луне должны были б быть и земледельцы. Лунные жители обитали в городах. В том городе, куда попал Кидал, «не видно было ни крепости, ни окружающих его стен; также не видно было ни одного здания, которое составляло бы два или три покоя, но везде виделся один» 2). Точно так же Кидал не видел в городе «нигде и никакой стражи, ниже (тем более *И. Х.*) чего-нибудь укрепленного» 3).

О хозяйственном строе лунных жителей дает общее представление сообщение Гиамола, — первого из философов луны. Об'ясняя Кидалу жизнь своих соотечественников, он говорит: «Не стараемся мы овладеть чужим, и ничего лишнего при себе не имеем: всякий довольствуется от своих трудов, и никому не уделяет, ибо кому бы даст, тот будет иметь лишнее, чего у нас никогда не бывает» 4). Из этого видно, что лунное население жило в условиях частного хозяйства. Однако, этот тип хозяйства был гармоническим, таким, которое не порождает противоречий внутри общества. Наемный труд, видимо, на луне не был известен, так как каждый из жителей, вернее, каждая семья добывали необходимое для жизни своим собственным трудом. Повидимому, между различными хозяйствами существовал и обмен излишками. Дарение, которое, по словам Гиамола, среди них не практикуется, все же, вероятно изредка наблюдалось, так как ремесленник, приютивший Кидала, сказал жене: «должны мы предложить ему все наше имение, и сколько ему угодно будет, пускай возьмет» 5).

Из рассказа Гиамола ясны и многие черты социального быта. «Народом управляет у нас, — рассказывал он, — вышнее существо» 6). Но роль этого существа остается непонятною. Чулков этим, вероятно, хотел отметить тот факт, что жители считают, будто основы их социального уклада преподаны богом или его пророками. Гораздо реальнее рисуется общественный строй из дальнейших сообщений Гиамола. «Престарелый муж, — говорит он, — в своем поколении владетель и повелитель:

1) Чулков — Пересмешник или Словенские сказки, ч.V. М. 1789 г., стр. 39.
2) Там же, стр. 32-33.
3) Там же, стр. 33.
4) Там же, стр. 39.
5) Там же, стр. 35.
6) Там же, стр. 39.

все повинуются его приказам и исполняют оные с великим благоговением; по смерти оного наследует сие достоинство его сын, и повелевает также; и так равенство между ними не искореняется, от чего избегнули мы зависти и злости» 1). И у Чулкова, следовательно, мы имеем утопию общества, покоящегося на родовом быте. «Закона мы никакова не знаем и не слыхали о правах» 2). «Преступники и нарушители спокойствия судимы, бывают всём обществом, и какое определяет им наказание, такое они и претерпеть должны. Выдумывальщики чего-нибудь нового ненавидимы у нас так, как и преступники, и для того никогда оных и не бывает» 3). Из числа наказаний, применяемых обществом к людям, наносящим обществу вред, можно назвать одно — изгнание из пределов общества. Это наказание, повидимому, одно из наиболее серьезных. Из повествования мы узнаем, что оно было применено к виновникам отравления одной девушки 4). Войн жители луны не вели и не ведут. Это видно из того, что они были необычайно поражены вооружением Кидала и пугались вооруженного человека 5). Семейная жизнь у них зиждется на единобрачии. В заключение укажу на то, что Чулков полагал, будто он дал описание общества в Золотой век. Об этом можно судить на основании того, что Кидал «думал, что принесен он в такое место, где обитают Золотые веки, в чем и не обманулся» 6).

В своей утопии Чулков очень близок Левшину. Влияние Фенелона на него так же несомненно. Но в отличие от Левшина и Фенелона он дал утопию общества, построенного на частно-хозяйственных началах, в своем развитии дошедшего до широкого разделения труда, причем население сконцентрировано в городах. Этими особенностями сказка Чулкова приобретает особый интерес и, до некоторой степени, самостоятельную ценность. В таком различном построении этих двух русских утопий сказалась, повидимому, разница обстановки, в которой жили Левшин и Чулков. Первый был близок деревне с ее хозяйством, основанным на общинном землевладении; второй жил в городе, где нельзя было найти никаких следов коммунизма и где всякая вещь составляла казенную или частную собственность. Отсюда — различное понимание естественного состояния человечества и различное представление о Золотом веке.

О личности некоторой Россиянки до сего времени в истории русской литературы не известно ничего. В. В. Сиповский — один из лучших знатоков русской литературы XVIII-го века — высказывает предположение, что под этим псевдонимом скрылась супруга Хераскова 1), автора известной в то время поэмы «Россиада». Но эта гипотеза, на мой взгляд, мало вероятна. Осторожнее бу-

1) Там же, стр. 39-40.
2) Там же, стр. 39.
3) Там же, стр. 40.
4) Там же, стр. 46.
5) Там же, стр. 34.
6) Там же, стр. 35.
1) В. В. Сиповский — Этапы русской мысли. II. 1924 г., стр. 42.

дет предположить, что в лице Россиянки мы имеем одну из читательниц и, быть может, почитательниц Хераскова. В 1779 году она опубликовала «Разные повествования, сочиненные некоторою Россиянкою», содержащие в себе четыре рассказа. В одном из них дана изящная утопия.

Утопическая страна находится в Азии на острове у берегов реки Зельты. Этот остров заселен народом, получившим свое название от имени реки. По установившемуся трафарету Россиянка не пожалела красок для изображения красот природы острова. «Природа истощила там все свои прелести» 2) — говорит русская утопистка. Река, поля с ароматными цветами и горы с разноцветными камнями много способствуют красоте местности. А плодородная земля и изобилие плодов на различных деревьях служат хорошей материальной основой для благополучной жизни зельтов.

«Зельты суть народ добродетельный; нравы их незлобивы, сердца человеколюбивы, чувства нежны; умеют они сохранять общественное согласие, родственную привязанность, супружескую верность, дружеские обязательства и, наконец, умеют чувствовать нежную любовь» 3). «У них зависть не отверзает своих челюстей; гордость попирается у них стопами невинности; пышность, заключенная в сковы, изгнана из их пределов и тщеславие храма своего не имеет» 4). Зельты религиозны и поклоняются луне «но ведают, что есть некое существо свыше луны, которое и самой ей жизнь даровало»5). Таков психический портрет зельтов. «Кажется, будто сама земля старается о сохранении их невинности; она не рождает того пагубного металла, который бы удобен был возмутить союз их общества» 6).

Что касается хозяйства зельтов, то оно довольно необычно. «Зельты, — говорит Россиянка, — не знают хлебопашества; жатва не влечет их к работе, не проливают они крови никакого животного, они питаются плодами, кореньями и млеком» 1). Кроме того «производят они сады» 2). Из всех пищевых продуктов, находящихся в распоряжении зельтов, выделяется корень торпиль, который имеет вид ананаса, а вкус хлеба. «Сей корень есть целительный»; он вспомоществует и предупреждает всякие болезни» 3). Итак, в основе хозяйства зельтов лежит скотоводство, садоводство и, может быть, также огородничество. Такой строй хозяйства характеризует высокую степень культурности зельтов. Все то, что они не могут произвести в своей местности, они получают из заграницы в обмен на торпиль, который «натура даровала... одним только зельтийским жителям» 4) и который весьма ценится за свои целебные средства другими народами. Живут зельты оседло и строят себе дома из дерева, окрашивая их краской, напоминающей серебро 5).

Большой новостью в творении Россиянки по сравнению с другими рассмотренными утопиями является то, что она не подчеркивает нелюбознательности зельтов. Мыслители, занятые разрешением новых проблем, у них, повидимому, не подвергаются такому драконовскому воздействию со стороны общества, как у бетисцев, лунатистов и утопийцев Чулкова. Россиянка как бы преднамеренно подчеркивает, что зельты «не совсем утопают... в невежестве; они имеют хорошее понятие о мореплавании и о некоторых художествах; они до совершенного успеха достигли в ботанике; умют они свои растения употреблять в нужную себе пользу... и знают, каким средством каждый плод произрастать удобен» 6).

«Зельты суть народ вольный; законы их основаны на правах естественных; они ни кому не подвластны и в самом своем обществе начальника не имеют; равенство между ними наблюдаемое, соделывает их счастливыми» 7). Следовательно, они живут на анархических началах. Анархизм в сочетании с коммунизмом составляет основу их общественных отношений. О коммунизме, процветающем у зельтов, автор пишет: «Ничего не имеют они собственного, и, зная, что природа равно печется о каждом, почитают они общим все то, что она производит 1). Семейные отношения характеризуются единобрачием. «Они по склонности своей избирают людей, с которыми в брачные узы вступают; и то, что мы называем браком, называют они клятвенным союзом, и позволяют себе только один раз в жизни своей входить в клятвенный сей союз» 2). Как и все другие утопийцы, если не считать троглодитов в некоторые времена их истории, зельты совершенно не знают войны. «Никогда звуки военных оружий не поражают слуха тамошних жителей; и зельтийские поля, испещренные лазоревыми цветами, не обагряются кровию неприятелей» 3), утверждает Россиянка.

Этот коротенький утопический эскиз очень близок по своему содержанию и описываемому строю к «Истории троглодитов» Монтескье, под обаянием которого, вероятно, находилась Россиянка. Положительными сторонами этого отрывка из рассказов Россиянки, выгодно отличающими его даже от работы Монтескье, является краткость изложения и ясность формулировки. С точки зрения общественного интереса рассказ русской утопистки замечателен тем, что она описала идеально-чистый анархический строй общежития у зельтов и не заставила их под конец закрепостить себя какой-либо власти, как бы она слаба не была. Вместе с тем и коммунизм у зельтов, как видно, более последователен и всеобщ, чем у троглодитов, которых Монтескье заставил довольствоваться лишь потребительским коммунизмом.

---

2) Разные повествования, сочиненные некоторою Российскою. II. 1779 г., стр. 33.

3) Там же, стр. 36-37.

4) Там же, стр. 35.

5) Там же, стр. 37.

6) Там же, стр. 36.

1) Там же, стр. 35.

2) Там же, стр. 36.

3) Там же, стр. 34.

4) Там же, стр. 34.

5) Там же, стр. 39.

6) Там же, стр. 36.

7) Там же, стр. 35.

1) Там же.

2) Там же, стр. 37.

3) Там же, стр. 35-36.

Все проанализированные здесь утопии можно разделить на две категории: в одних — у Фенелона, Левшина и Чулкова — изображается патриархальный родовой быт, представляющий собой некоторое, приближение к анархизму; в других — у Монтескье и Россиянки — дается описание идеального анархического общества. Мысль русских писателей XVIII-го века, находясь под воздействием западно-европейских мыслителей, работала в том направлении, которое указывалось последними, внося в идеи, приходящие с запада, некоторые свои коррективы и нововведения. Наличие таких собственных мыслей, делавших произведение не сплошь трафаретным, уже было отмечено мною во всех трех произведениях русского творчества. Каждый из русских авторов допустил кое-какие вариации при характеристике основ хозяйственной и социальной жизни описываемых им утопийцев. Но в одном отношении, — в отношении предпосылок, которые необходимы для того, чтобы мог существовать тот или иной уклад жизни утопийцев, — наши русские писатели ни на йоту не пошли вперед сравнительно с западно-европейскими образцами, сознательно или бессознательно направлявшими попытки самостоятельного творчества передовых людей России XVIII-го столетия. Как Фенелон и Монтескье, так и Левшин, Чулков и Россиянка помещают население своих произведений в необыкновенно благоприятных природных условиях, наделяют жителей своих утопических стран всеми добродетелями, которыми, по мнению авторов, человеку владеть прилично и, наконец, делают утопийцев безусловно религиозными людьми. Эти три момента, нередко нарочито подчеркиваемые и выдвигаемые на первый план, составляют, как видно, по мнению авторов, неизбежно-необходимое условие для того, чтоб описываемые ими (авторами) общества не впали в состояние «анархии» — синонима беспорядка или не подпали под деспотическую власть какого-либо начальника — короля, государя и проч. Подобный вывод из анализа до известной степени показывает те пути, которые сознательно или безсознательно предлагались русскими утопистами своим читателям для того, чтобы осуществить тот идеальный строй — частично или безусловно — анархический строй, — который проходил перед их читательскими глазами. Только при условии такого толкования вопроса можно понять, то относительно широко распространившееся в рассматриваемый период стремление к нравственному самоусовершенствованию, которое привело к ряду религиозных исканий. И то и другое стремление нашло свое оформление в русском масонстве.

(Продолжение следует)

МОЯ ИСПОВЕДЬ

Большевистская содержанка (газета) «Радзецкая Трибуна» от 4 августа с. г. поместила обо мне злорадную статью под заглавием «Шпик и анархист в одном лице»!

Дорогие товарищи, если б дело касалось только лично меня, то на подобного рода клевету не считал бы нужным отвечать, но статья затрагивает принципиальные вопросы дела, которому я в течении 30 лет был отдан. Честность и безупречность моего поведения знают тысячи рабочих, с которыми я имел революционное соприкосновение, и никто меня предателем рабочего дела, ни шпионом не мог назвать.

Анархистом я не был, потому что воспитан был в среде социалистического (марксистского) мелкомещанства, а так как я рабочий (каменьщик), то и не имел полной возможности ознакомиться с литературой и идеологией анархизма.

Тем более теперь горжусь тем, что, перейдя стадии социализма (с 1900 года в Польск. парт. Пролетариат), затем коммунизма (с 1917 года по 1921 г. включительно в партии коммунистической, занимая в Сибири разного рода ответственные должности), постепенно и самостоятельно пришел к убеждению, что анархизм есть единственный путь к раскрепощению трудящихся масс.

Власть и государство, кем бы они ни были организованы, есть порабощение рабочего класса; кого бы ни поставить у верхушки власти, хотя бы и из рабочей среды, в последствии он становится деспотом, эксплоатирующим вековые стремления рабочего класса к свободе и равенству в личную свою экономическую пользу и в пользу окружающей его среды.

С введением новой экономической политики в СССР (нэп), в которой я увидел большевистскую измену делу революции и измену рабочему классу в целом, я не был выброшен из рядов ком. партии, как утверждает в той же газете мой сын, а самовольно выбыл из коммунистического строя, вернулся к давно оставленной моей профессии каменьщика и до 1927 года был в СССР пассивным наблюдателем все усиливающегося большевистского деспотизма над миллионами трудового населения. Придя к заключению, что от диктатуры Ц.К. Ком. партии ждать нечего, а вести революционную работу в СССР все равно, что отдаться в руки новым жандармским палачам, перекрещенным в ГПУ, я, пользуясь привиллегией быв. американского солдата, уехал в С Ш. Америки.

„Радзецкая Трибуна» ставит мне в вину, что я в былое время был в империалистической армии на Филиппинах. Сознаю, что в то время я был слепым орудием в руках господствующих тиранов, против которых в настоящее время, так же, как и против советских эксплоататоров, продолжаю вести разрушительную революционную работу.

Настоящей Исповедью заявляю, что пройдя стадии патриотизма, социализма и коммунизма, будучи на разных ответственных должностях и имея возможность ближе познакомиться и оценить партийные верхушки, пришел к убеждению, что со всей этой сволочью честному и самостоятельно мыслящему рабочему нельзя быть вместе.

Выше упомянутая газета называет меня шпионом потому, что я разоблачаю предательские дела коммунистов-большевиков, касаясь принципиальных вопросов. Сыну моему Владиславу, который всецело отдался шкурным вопросам на службе у коммунистов и которого со мной разделяет целая пропасть, так как я рабочий, а он интеллигент (окончивший университет), продавшийся

капиталу и власти за привилегии, передаю свое глубочайшее презрение.

Заявляю, что от настоящего времени всецело отдаю себя делу анархо-коммунизма и сожалею о минувших 30 годах моей рев. работы, которой укреплял позиции лагеря враждебного рабочему классу.

Идейное убеждение мое — «уравнение заработков», которое вкратце изложено в польской газете «Уравнение», изданной в Нью-Иорке преимущественно на личные заработанные мною средства (в Нью-Иорке, как каменьщик, я зарабатывал по 14-15 долларов в день) я редактором которой всецело был я в сотрудничестве с немногими товарищами, впредь оставляю за собой.

Вступаю в анархические ряды ради разрушения основ государственности и капитализма.

Идея разрушения есть идея нового свободного строительства.

Да здравствует Анархия!

Вацлав Квятковский.

КАЗНЬ САККО И ВАНЦЕТТИ

(Последняя глава — сокращенная — из произведения Э. Синклера «Бостон»).

В десять часов вечера главный электротехник и его помощник обследовали электрический стул и нашли все в порядке. Затем явился палач, чтобы произвести свое обследование. Его звали Эллиот; он предпочитал сохранить свое имя в тайне, боясь анархистских бомб, но газетная шумиха сделала его личность всем известной: был напечатан его портрет и список лиц, казненных им. Двенадцать дней тому назад он напрасно предпринял путешествие из Нью-Иорка в Бостон — казнь была отсрочена, — это доставило ему большое огорчение, и на этот раз он твердо надеялся, что отсрочки больше не будет, и он получит свои семьсот пятьдесят долларов.

Камеру смерти посетил отец Мерфи, чтобы в последний раз «утешить» приговоренных обещанием «вечной жизни» за гробом. Но Ванцетти заявил, что исповедь перед священником послужит во вред тем, кто в нее верит: это еще крепче скует их цепями суеверия. И потому за несколько минут до полуночи отец Мерфи, войдя в клуб администрации тюрьмы, заявил репортерам:

— Мне здесь, как видно, нечего делать, и я уезжаю домой.

Комната клуба напоминала собой биржу в самый разгар деятельности; более сотни репортеров металось взад и вперед, стараясь уловить хоть кусочек «последних известий». В экстренном порядке было установлено множество телефонов, и восемнадцать телеграфистов сидело за восемнадцатью аппаратами, чтобы удовлетворить любопытство алчного мира. Все пять континентов были связаны прямыми кабелями. Репортер «Ассошиэйтед Пресс» удостоился чести быть приглашенным присутствовать в камере смерти в момент казни при условии, что он поделится подробностями со своими коллегами.

Здесь было также несколько официальных представителей, на обязанности которых лежало — засвидетельствовать и доложить губернатору, что его распоряжения выполнены в точности. Начальник тюрьмы провел их в камеру смерти. В камере вдоль стены стоял ряд стульев, обращенных к электрическому стулу, и «достойные» заняли свои места.

Палач занял место за ширмой, в углу, налево от электрического стула; он мог смотреть поверх ширмы, чтобы точно знать секунду, когда можно заработать обещанную плату. Два стража стояли у двери, ведущей в коридор, куда выходили двери камер, и когда начальник тюрьмы дал знак, что все уже готово, они направились к первой камере и отперли дверь. Мадейрос лежал на койке и спал, не ценя особенно последние минуты своей жизни. Стражи разбудили его, поставили на ноги и повели его, полуоцепеневшего, в камеру смерти, закрыв за собой дверь.

Приговоренный был одет в короткие серые штаны, с разрезами на ляжках, и синюю рубаху с короткими рукавами, — специально для электрического стула. Его посадили на стул, и с наивозможной быстротой помощник начальника тюрьмы и один из стражей застегнули на пряжки ремни, которые не позволяли двигаться ни рукам, ни ногам. Два электрода, через которые ток должен был войти в тело, были прикреплены к ногам; третий был прикреплен к голове, закрыв всю макушку; все три электрода были снабжены мокрыми губками, чтобы придать полную проводимость току.

Наконец стражи завязали жертве глаза и отошли в сторону — все было готово.

Палач сделал первое движение руки. Ток с гудением вонзился в свою жертву, тело Мадейроса внезапно подпрыгнуло и, несомненно, слетело бы со стула, если бы не было крепко привязано ремнями. Человеческое тело напрягалось до твердости стали и пребывало в таком состоянии в течение нескольких минут, пока через него проходил ток в тысячу девятьсот вольт. Ужасный запах горящих волос распространился по камере смерти.

Ток был выключен, тело было снято со стула и положено на одну из трех свеже выкрашенных досок, спрятанных за ширмой.

Дверь, ведущая в коридор, открылась опять, и два стража направились во вторую камеру. Никола Сакко не спал; он ждал, чтобы выполнить свой последний революционный долг. Он вышел из камеры с двумя стражами по бокам и, войдя в камеру смерти, окинул взглядом целый ряд свидетелей, официальных лиц, электрический стул и ширму, поверх которой блестели глаза палача. Его лицо было бледно и страшно, губы крепко сжаты, выражение вызова было в каждой черте. Он прошел прямо к электрическому стулу и сел; затем, когда

стражи начали опутывать его ремнями, он слегка приподнялся и сказал громким голосом:

— Да здравствует анархия!

Стражи не обратили никакого внимания на сказанные слова. Они быстро опутывали ремнями свою жертву, точно боясь, что вот кто-то войдет в последний момент и помешает им. Когда они окончили и отошли в сторону, Сакко открыл рот, и начальник тюрьмы задержал сигнал. «Прощайте, жена, дети и все мои друзья!» Затем, когда начальник уже начинал поднимать руку: «Покойной ночи, господа! Прощай, мама!»

Начальник тюрьмы сделал знак, и палач включил ток. Тело подпрыгнуло так, словно хотело вырваться из охватывавших его ремней. Две тысячи сто вольт было назначено палачом этому жилистому крестьянину, от которого нужно было избавить штат Массачузетс; количество амперов было от семи до девяти. В девятнадцать минут и две секунды после полуночи ученые медики об'явили о выполненном долге. Тело Никола Сакко было снято со стула, отнесено за ширму и положено на вторую доску.

Затем в третий и последний раз открылась дверь в коридор, и вошли стражи. Бартоломео Ванцетти сидел на своей койке; он знал, что происходит в соседней камере, но это не лишало его присутствия духа; за семь лет пребывания в тюрьме он научился владеть собой. Он встал с койки и направился к двери твердой поступью; стражи держали его за руки. Войдя в камеру, они освободили его руки, он повернулся и окинул их взглядом. Он знал их долгое время и внушил им уважение к себе. Это были бедные люди, вероятно имевшие жен и детей, которых нужно было кормить, и они не могли не делать того, что им приказывали; и потому Ванцетти раньше всего обратился к ним, как и подобает пролетарскому мученику. — Прощайте! — сказал он каждому из них, крепко пожимая им руки.

Затем он повернулся к помощнику начальника тюрьмы Хогсетту, взял его за обе руки и крепко пожал их. — Прощайте! Благодарю вас за ваше хорошее отношение ко мне! — И затем к начальнику тюрьмы: — Начальник, я благодарю вас за все, что вы для меня сделали!

Ванцетти подошел к стулу и сел. Затем он произнес слова, которые заранее хорошо обдумал и взвесил: «Я хочу сказать вам, что я никогда не совершил никакого преступления... Я не повинен ни в одном преступлении, не только в этом, но ни в каком. Я умираю невинным человеком».

Стражи, хорошо дисциплинированые, продолжали свою работу, не обращая никакого внимания на его речь. Электроды были прикреплены в надлежащих местах, ремни затянуты. Когда стража начала завязывать ему глаза, он заговорил опять: «Я прощаю людям, которые сейчас делают со мной это».

Стражи отошли в сторону, и начальник тюрьмы подал знак рукой. Палач включил ток, и тело Бартоломео Ванцетти сделало страшный прыжок, как и тела казненных до него. Тысяча девятьсот пятьдесят вольт было найдено достаточным для него, как более слабого, мечтателя и человека слова, а не действия. Много, много слов было сказано им и написано, но теперь он умолк навсегда. Ток был выключен, медики произвели свою экспертизу, и в двадцать шесть минут и пятьдесят пять секунд после полуночи было об'явлено, что последняя искра анархизма погашена в августейшем штате Массачузетс. Начальнику тюрьмы нужно было прочесть торжественную формулу, но его голос изменил ему, и не все свидетели слышали слова: «Именем закона свидетельствую, что приговоренные казнены; приговор суда приведен в исполнение!»

Третье тело было положено на доску и двери камеры смерти широко открыты — в камере стало душно от высокого напряжения тока и от напряженного состояния мучеников. Стражи и свидетели вышли наружу и начали вытирать потные лбы и шеи, — от пота у некоторых размякли воротнички.

**
*

Мудрейший из современных французов писал губернатору Фуллеру. «Говорю вам: остерегайтесь создавать мучеников. Это непростительное преступление, которое ничто не сможет вычеркнуть из памяти и которое будет жить как позорное пятно из поколения в поколение». Но увы! Имя Анатоля Франса не имело никакого значения для торговца автомобилями, читающего только приключенческие и бульварны реомзны; письмо это, наверное, было брошено в камин вместе с другими.

И власти штата Массачузетс создали мучеников, пребывая на пьедестале собственной правоты. Чем больше человечество выражало по отношению к ним свою ненависть, тем больше они гордились, считая, что они правы, а весь мир неправ. «Глядите — вот Массачузетс! — восклицал Даниэль Вебстер, любимец «золотой толпы». — Гядите на него и судите сами! Вот его история — весь мир знает ее наизусть! Прошлое, во всяком случае, не запятнано!» Так будут и впредь говорить представители «золотой толпы», в то время как имена двух мучеников Массачузетса превратились в боевой клич пролетариев всей земли. И этот клич будет жив до тех пор, пока рабочие всего мира не отплатят за смерть своих товарищей!

**
*

Десять тысяч человек собралось у ворот кладбища « Forest Hills »; сотни полисменов сдерживали толпу, не допуская ее за ограду. Катафалки проследовали на кладбище; за ними ехали машины с репортерами и фотографами и небольшая группа родственников и близких друзей. Остальные почитатели покойных, прошагавшие восемь миль под дождем, чтобы присутствовать на похоронах, вынуждены были остаться за воротами кладбища, — за исключением тех, у кого было достаточно ловкости, чтобы перебраться через высокую железную ограду. Внутри небольшой часовни собралось около сотни человек; два гроба, усыпанные цветами, были поставлены на возвышении, и Мэри Донован, бледная, дрожащая, стала рядом с ними. В течение двух лет дело Сакко и Ванцетти было целью ее жизни; ради него она бро-

сила свою религию, своих друзей, свою работу; и теперь ей выпало на долю сказать последнее слово от имени комитета защиты Сакко и Ванцетти.

«Никола Сакко и Бартоломео Ванцетти! Вы приехали в Америку в надежде найти здесь свободу. Охваченные идеализмом юности, вы стремились найти здесь ту свободу и равенство, которые, как вам говорили, являются бесценным даром этой страны для всех чужестранцев. Ваша жизнь и труд протекали в Массачузетсе — родине американского идеализма. И теперь Массачузетс и Америка казнили вас — убили вас, — только потому, что вы были анархистами.

«Двести пятьдесят лет тому назад правящие классы этого штата вешали женщин в Салеме, обвиняя их в колдовстве. Этот позор никогда не будет смыт. Но это варварство — ничто по сравнению с тем, что теперешние власти Массачузетс сделали с вами. Те, что вешали «ведьм», были движимы суеверным страхом Их взоры были ослеплены себялюбивым стремлением попасть в рай.

«Ваши убийцы не были ослеплены. Они совершили это преступление обдуманно, хладнокровно. В течение семи лет они имели полную возможность узнать о вас правду. Они ни разу не посмели даже упомянуть о вашем характере, о вашем нравственном поведении, — ваше поведение было так благородно, так безупречно, что миллионы теперь следуют ему. Но они отказались всмотреться в вашу жизнь. Их глаза были закрыты низким предрассудком классового положения и классовых интересов. Они больше думали о богатстве, комфорте и существующих законах, чем о правде. Вы, Сакко и Ванцетти — жертвы величайшей в мире плутократии со времени древнего Рима.

«Долгие годы вашего страдания и последние часы страшнейшей пытки — это живые знамена, под которыми пойдем мы и грядущие за нами поколения к тому лучшему миру, основанному на братстве, за который вы отдали свою жизнь.

«Во имя вашего мученичества мы будем бороться и победим.

«Помятуйте о распятой справедливости! Помните 22 августа! Помните!»

***

Те, кто обладал сильными нервами, прошли в крематорий, где через стеклянную плиту имели возможность видеть «реторы», в которых тела казненных разлагались на первоначальные элементы — пепел, прах. Те, кто не мог выдержать мучения огня, вышли на воздух, где подверглись мучению воды, — лил такой дождь, какого Бостон, быть может, никогда не видал; казалось, разверзлись хляби небесные. Более суеверный век сказал бы, что небеса хотели омыть от греха город, — смыть кровь с его улиц и позор с его имени.

Да, Бостон отверг совет старого мудреца-француза и создал двух мучеников. Мистические существа с сверхъестественными добродетелями, которым суждено стать легендой. Никогда больше Бостон не будет известен, как город, где устраивались банкеты в честь людей науки и искусства, он не будет славен в истории сражением при Бункерском холме; отныне он войдет в историю, как город, где были казнены Сакко и Ванцетти!

И эти мученики, прославленные, святые, умерли за свободу рабочего класса! Люди видели историю мученичества, развертывающуюся у них на глазах: процесс двух тысяч лет сконцентрировался в мученической смерти этих двух человек. Они уже были канонизированы, и никто не осмеливался сказать о них ничего, кроме высшей похвалы; они уже были теми, чьему праху поклонялись люди и за почитание их памяти шли в тюрьму.

Символ их жизни и смерти запечатлевался в душах людей. Сто миллионов тружеников познали, что их товарищи отдали свою жизнь за общее дело. Чернокожие, смуглые, желтолицые — труженики всех народов и племен, мир голодных и рабов, — все они испытали чувство благоговения и величайшего преклонения. Это был таинственный процесс кровавой жертвы, посредством которой на протяжении веков человечество получало избавление!

Сто миллионов рабочих, опутанных цепями, слепых, идя ощупью в ядовитом тумане, посеянном их угнетателями, увидели, что двое из их посмели поднять знамя свободы. Несмотря на все споры разных радикальных сект, этого факта нельзя было затушевать; он горел, как огненный столб, освещая темную ночь рабочих. Для ста миллионов тружеников, идущих ощупью во тьме, и в десять раз большего числа тружеников, еще не прозревших, имена Сакко и Ванцетти будут вечным символом мечты о таком общественном строе, при котором богатство будет принадлежать его производителями и награда за труд — труженикам.

ПРОТЕСТ

ПРОТИВ ЭКСПЛУАТАЦИИ ТИРАНАМИ ИМЕН САККО И ВАНЦЕТТИ

Бльшевистская власть в течении двенадцати лет истребляет анархистов в России исключительно за их революционную безвластническую идеологию. Все заслуженные работники русского анархизма находятся в тюрьмах большевиков, где они обречены на верную смерть. Последними арестами анархистов в России большевистская диктатура откровенно заявила, что она держит курс на полное убиение анархистов и анархизма в СССР.

И в то же самое время эта диктатура делает вид, что она возмущается убиением Сакко и Ванцетти, и руками, красными от крови русских анархистов, тянется за прахом Сакко и Ванцетти, за ихъ именами, дабы подпереть насквозь лживое здание своей власти.

Этому отвратительному лицемерию и обману надо положить конец. Революционный пролетариат, и в первую очередь революционные анархисты, должны на весь мир сказать правду о большевиках, то именно, что в СССР они продолжают подлое дело, начатое девять лет назад американской плутократией процессом Сакко и Ванцетти. И не только продолжают, но углубляют его, доведя дело истребления

анархизма до таких форм и размеров, о которых американская плутократия и не мечтала.

— Руки прочь от мучеников анархизма, вы, стоящие у власти и плавающие в крови русских анархистов! Ваши преступления перед анархизмом в СССР роднят вас только с палачами, казнившими Сакко и Ванцетти. Идите открыто к этим палачам и не оскверняйте память двух великих мучеников-анархистов — жертв капитала и государства.

Призываем революционных рабочих и товарищей всех стран присоединиться к нашему протесту и сделать его повсеместным и всеобщим.

Организации русских анархистов-коммунистов Европы, Сев. и Южн. Америки и Канады.

САККО И ВАНЦЕТТИ

О Сакко и Ванзетти, этих двух невинных рабочих анархистов, ставших жертвами палачей губернатора А. Фуллера и судьи В. Теера, много говорилось и писалось, но это только начало. Рабочий класс имена Сакко и Ванзетти, всегда будет помнить. Американская плутократия и в частности плутократия штата Массачузетс навсегда наложила на себя презренное клеймо, которое не смоется никогда. После семи лет тюремных пыток и издевательств Сакко и Ванзетти были убиты 22 августа 1927 г.

Август месяц рабочему классу будет напоминать об американской «демократической свободе». За две недели до казни Сакко и Ванзетти был издан приказ всем жителям г. Бостона по закате солнца сидеть дома. Накануне казни Сакко и Ванзетти г. Бостон превращен в военный лагер. Все улицы были усеяны солдатами, матросами и полицейскими с винтовками и револьверами в руках. Тюрьма, в которой находились в то время Сакко и Ванзетти, была кругом обставлена пулеметами, на крыше тоже были приготовлены пулеметы. Был повторен приказ американским гражданам не выходить из дому в тот вечер и не смотреть в окна.

Американская буржуазия наводила страх и трепет. Думала этим заставить американских рабочих молчать и этим приостановить протесты рабочего люда. Всему миру известно, что Сакко и Ванзетти непричастны к убийству, которое им сознательно ложно приписала американская плутократия. Сакко и Ванзетти убиты американскими палачами Фуллером и Теером за их анархическое убеждение. После убийства Сакко и Ванзетти все выяснилось. Нашлись убийцы, но американское правительство молчит. Фуллеру и Тееру нужны были головы Сакко и Ванзетти, проповедывавших анархизм. Американская плутократия, убивая Сакко и Ванзетти, думала, что убьет и анархическое движение, несущее гибель всем тиранам и поработителям рабочего люда. А Фуллер, убивая Сакко и Ванзетти думал попасть в Белый дом, но он ошибся. На мнение А. Фуллера и В. Теера: «Смотрите, что мы сделали с анархистами», американские рабочие ответили своим мнением: «мы видим, вы оба убийцы».

Сакко и Ванзетти казнены, их тела превращены в пепел, но огонь их личностей растилается все шире и шире. Огонь этот будет жечь палачей трудового народа до последнего их издыхания. Убийством Сакко и Ванзетти американская плутократия раскрыла перед миром правду о сущности анархизма и пробудила массы от долгой спячки, заставила их встряхнуться и раскрыть глаза на действительность. Стачки происходят по всей стране. Это борьба за право на жизнь и свободный труд. Сакко и Ванзетти убиты, но идея их осталась и будет жить в сердцах миллионов тружеников.

К. З—юк.

С. Америка.

«ГОЛОС ТРУДА» И «РАССВЕТ»

(В чем между ними разница).

О «Рассвете» и рассвецовцах на страницах «Дело Труда» писалось много, и, нам думается, не найдется товарища, который бы не знал нашей оценки и нашего отношения к этому позорному в рабочих и, в частности, в анархических рядах явлению. Нет, также, товарища, который бы не знал той дикой ненависти, перемешанной с грязью, клеветой и провокацией, которую рассветовцы проявляют в отношении «Дело Труда» за то, что оно бесцеремонно сорвало с них маску и перед все миром показало их в их обнаженном естественном виде обманщиков и предателей рабочего класса и идеи анархизма.

«Голос Труда» (Аргентинский) за последний годполтора выказал к «Делу Труда» тоже отношение, что и «Рассвет» и при том такое же умышленно клеветническое. Против «Дела Труда» и поддерживающих его организаций в нем был помещен ряд типично рассветовских статей, начиная со статьи Волина и К-о — «Зло, с которым надо бороться» — и кончая нескольскими редакционными статьями. В своей грязной клевете на «Дело Труда» рассветовцы всегда ссылаются на «Голос Труда» и пользуются его статьями.

На этом основании многие товарищи задают вопрос, почему мы не разоблачаем руководителей «Голоса Труда», почему, раз этот орган идет по стопам «Рассвета» мы не устанавливаем к нему того же отношения, что и к «Рассвету»? И в самом деле, мы к «Голосу Труда» имеем совсем не то отношение, что к «Рассвету». Мы неоднократно указывали на недостойное поведение руководителей «Голоса Труда», на то, что они соскальзывают на дорогу рассветовцев, но к самой газете всегда относились, как к своему революционному собрату. Между тем, как «Рассвет» вместе с рассветовцами мы считаем орудием контр-революции.

Какова же причина этому? В чем разница между «Рассветом» и «Голосом Труда»?

Причина та, что «Рассвет» с первой минуты своего зарождения уже являлся органом определенной антиреволюционной группы, которая взяла курс *против* революционных принципов анархизма, *против* социальной революции трудящихся, *против* их классовой борьбы и т. д. Словом, «Рассвет» родился таким, каким мы его видим теперь. И не случайно он таким родился. *Его таким создала* группа лиц, которая порвала все связи с принципами и традициями анархизма и революции и

сознательно (хотя и замаскированно) взяла курс на блок с правыми течениями, враждебными трудящимся. За спиною этих трудящихся рассветовская камарилья создавала определенно контр-революционный антирабочий орган, каковым и явился «Рассвет». Наше отношение к этому детищу рассветовской комарильи может быть только сугубо отрицательное.

«Голос Труда был создан рабочими организацями, создан ими в их борьбе с капиталом. Он, поэтому, всегда был их боевым революционным органом. В течении ряда лет он выражал их волю, их настроения. «Голос Труда в 1922-23 г.г. всеми нами считался органом революционного анархизма, хотя в нем и чувствовался недостаток сил. Редакции в этом органе менялись, но он продолжал хранить революционный характер и традиции анархизма.

Лишь последние годы, благодаря ослаблению рабочего движения вообще, «Голос Труда» попал в руки лиц, которые оказались ниже нравственного и революционного облика газеты. Эти лица низвели газету до своего ничтожного уровня, до безобразной рассветовщины и тем унизили ее. Но следует ли на этом основании относиться к «Голосу Труда» так, как к «Рассвету»? Безусловно нет. «Рассвет» сознательно, со дня своего рождения проводит контр-революционную линию. С «Голосом Труда» случилось временное несчастье и в этом несчастье мы должны уметь отделить здоровое тело от болезненных наростов.

Здоровым мы в нем считали и считаем то, что он является органом революционных рабочих организаций, которые искренно желают придать ему подлинно анархический характер.

Болезнью его мы считаем отсутствие в нем в настоящее время идейных и принципиальных работников, вместо которых газетой руководят мало идейные и совершенно беспринципные лица.

Мы поэтому считали и сейчас считаем необходимым вести борьбу не против «Голоса Труда», а против тех извращений в нем, которые за последние $1\frac{1}{2}$-2 года внесли в него нынешнее беспринципные руководители газеты. На этом основании организация «Дело Труда» всегда рекомендовала всем солидарным с нею товарищам не выступать против «Голоса Труда», как такового, а бороться за освобождение его от хаоса, от рассветовщины, бороться за выпрямление его идейной и политической линии, сделал его органом Федерации Рабочих организаций. Лишь такое отношение пойдет на пользу «Голосу Труда» и всему нашему движению.

Такую форму отношения к «Голосу Труда» мы и в настоящее время настоятельно рекомендуем всем товарищам, примыкающим к «Делу Труда».

Организация Ан.-Ком. «Дело Труда».

РАССВЕТОВЩИНА ПЕРЕД СУДОМ АНАРХИСТОВ И РАБОЧИХ

От организации «Дело Труда»

1. На имя т. Махно Рубежанин — один из заправил «Рассвета» — прислал письмо, в котором предлагает прекратить междуусобицу между рассветовцами и «Делом Труда» и установить «товарищеские отношения». Предложение, несомненно, исходит не от одного Рубежанина, а от всей руководящей «Рассветом» компании, и хотя оно адресовано т-щу Махно, по своему содержанию обращено к организации «Дело Труда». Последняя, поэтому, сочла необходимым печатно оповестить о нем всех товарищей.

«Было бы хорошо положить конец «гражданской» войне в нашем движении», — пишет Рубежанин. — «Я первый готов пойти на мировую, хотя я больше всех теперь ругаюсь».

Организация «Дело Труда» вела, ведет и будет вести борьбу против рассветовщины *во имя анархизма*. Мотивы этой борьбы изложены нами в ряде редакционных статей, в статьях т-ща П. Аршинова и в «Обращениях» российских анархистов № 48-49 и 50-51 «Д. Т.» Повторять вновь эти мотивы нет нужды. Ни один анархист не вправе отказаться от борьбы за очищение идеи и рядов анархизма от позора рассветовщины. Для этого надо перестать быть анархистом. Следовательно, ни о какой «мировой» в этой области не может быть и речи.

В своих статьях Рубежанин до сих пор доказывал, что руководители «Дела Труда» являются большевистскими агентами и что российские анархисты, выступившие против рассветовщины во главе с А. Боровым, Рогдаевым, Медынцевым, Бармашом и другими, были «вдохновлены искусной рукой ГПУ». Теперь он признается, что это он только «ругается» и «первый готов пойти на мировую».

Если даже на время отложить вопрос о личности Рубежанина, как он поставлен в статье т. Аршинова, в № 50-51 «Д Т.» и взять дело, как его рисует сам Рубежанин, то всякий анархист неминуемо должен придти к заключению, что *таким* лицам, которые «ругаются», *так, как выругался Рубежанин* в отношении российских товарищей, нет места в анархическом движении.

Оказавшись в безвыходном положении благодаря своей клевете, которая всем бьет в глаза, и благодаря предательской деятельности, которая везде и по всем пунктам разоблачена анархистами, рассветовцы и, в частности Рубежанин, ищут спасение, предлагая «мировую». Мы можем ответить на это только усилением своей революционной и идейной деятельности и разоблачением всех форм измены и предательства рассветовцев в рядах анархизма и рабочего класса.

2. В «Рассвете» от 24 августа 1929 г. и в «Пробуждении» № 9, в статье «Наша междуусобица и разногласия», написанной одним из отбросов уголовного мира, рассветовец М. Сук говорит, что журнал «Дело Тру-

да» дает «постоянную обеспеченную работу» т-щу Аршинову и «кормит» его. Подобную же сплетню распространяют рассветовские подголоски в Париже.

За пять с лишним лет работы по журналу т. Аршинов не получил за нее ни одного сантима. Вся эта огромная журнальная работа, а также организационная работа делалась и делается им совершенно безвозмездно, — после денной работы на фабрике за кусок хлеба. Американские и парижские клеветники не допускают мысли, что можно вести постоянную систематическую работу из любви к идее, а не из любви к деньгам. Этим они только вскрывают свое идейное ничтожество.

3. Организация « Дело Труда » обращает внимание товарищей на то, что рассветовцы своими клеветами сознательно провоцируют анархистов, дабы втянуть их в низменную полемику, в которой они стараются спор об их общем предательстве заменить спором о тех или иных лицах и тем спасти себя. Организация «Дело Труда» предлагает, поэтому, товарищам *сократить до минимума* ответы на бесконечные клеветы рассветовцев и использовать страницы «Дела Труда» для более положительной работы.

Организация «Дело Труда»».

РАССВЕТОВЦЫ БЕЗ МАСКИ

Мы переживаем такой исторический период, когда организаторы братоубийственных войн говорять о любови к ближнему. Насильники и тираны говорят о свободе и независимости. Обманщики и предатели интересов трудящихся кричат о бесправии рабочих классов. Лицемеры, лжецы и клеветники говорят о морали и высокой нравственности. Предатели, разрушители анархического движения ратуют о судьбе анархизма. Роль этих предателей и разрушителей в анархическом движении играет кучка лицемеров, руководящих газетой «Рассвет» и журналом «Пробуждение». Каждому анархисту и сознательному рабочему, живущим в С. Америке и Канаде, известно, что со времени выхода газеты «Рассвет», которая предназначалась быть продолжателем и выразителем идеалов журнала «Волна» и газеты «Американские Известия», указанная кучка закулисных дел мастеров под разными лживыми мотивировками стала доказывать, что газета «Рассвет» не может быть революционной и анархической до тех пор, пока в редакционной кассе нет денежных запасов и вдобавок, что «русская колония С. Ш. и К. в настоящее время не интересуется ни революционностью ни анархизмом»; что вообще «революционность является злом и достижение анархизма возможно лишь только научным путем» и т. п. Эти преступники с маской анархизма на лице то и дело занимались вбиванием в ум русской трудовой колонии Америки и Канады буржуазного поповского патриотизма и национализма, черносотенного антисемитизма, рабского преклонения перед буржуазной белогвардейской интеллигенцией, уважение к шарлатанам, попам и эксплуататорам, веру в страховые коммерческие «Общества Взаимопомощи», презрение к революционности и интернациональной солидарности и т. п. Привлекая в сотрудники «Рассвета» белогвардейских и буржуазных журналистов, они обманывали рабочие организации тем, что нет средств на привлечение в сотрудники анархистов.

Вот маленький список обширной предательской деятельности этих провокаторов. Статья — «Голос Рассудка», в которой они идеализировали манифест одного из палачей русских рабочих и крестьян Николая Николаевича Романова, («Рассвет» 25 мая 1925 года). Печатание явно националистических, антисемитских и антиреволюционных статей под названием «Национальность и национализм» («Рассвет» 13 мая 1925 года); «Заблудший философ» («Рассвет» 25-26-27 августа того же года — бывшего члена редакционной коллегии «Волна» М. Источникова). Поход «Рассвета» против брака свободной любви и защита современного церковного брака: редакционная статья «Беспризорные дети» («Рассвет» 28 ноября 1925 года). Рекламирование воззвания союза русских священников - белогвардейцев к русской колонии С. Америки о денежной помощи на постройку православной церкви в Париже («Рассвет» апрель 1926 года). Отказ И. Окунцеву в помещении в «Рассвете» его статьи против православной церкви и духовенства (в мае 1926 года); их воздержание от голосования (считай согласие) по вопросу, внесенному белогвардейцами, о недопущении людей не славянского происхождения (против евреев) в члены об'единенного общества Взаимопомощи — на с'езде Обществ Взаимопомощи 10 октября 1926 года в гор. Филадельфии.

Дружеское рекламирование раз'езда А. Керенского по Америке в апреле 1927 г.; рекламирование раз'езда по Америке П. Милюкова и содействие устройству его лекции в Чикаго. Печатание программы церковных братств и белогвардейских кружков и отказ поместить на страницах «Рассвета» и «Пробуждения» резолюции Конференции Анархо-Коммунистических Групп С. Ш. и Канады состоявшейся 30-го окт. 1927 г. Отказ С. Володькину в помещении его статьи против белогвардейского «русского центра» гор. Чикаго под названием «Кого вы приветствуете» в декабре месяце 1928 года. Клевета на анархистов революционеров и братанье с контр-революционерами — белогвардейцами и т. д. и т. п.

Может ли честный революционер и мало-мальски политически грамотный рабочий в выше приведенных черносотенных художествах г.г. рассвето-пробужденцев не увидеть фашизма, монархизма, антисемитизма, контрреволюционности и белогвардейщины? И после такой разрушительной и провокаторской работы над русским анархическим движением в С. Америке и Канаде, эти люди с непомерной бесчестностью и наглостью, прикрываясь анархизмом, осмеливаются обвинять тов. П. Аршинова и его товарищей по работе в большевизме, в диктаторстве и в сознательном разрушении анархического движения. Разве подобная выходка г.г. Гушаков (Новина), Вышинского, Нагорного, Вернова, Моравского, Рубежанина и Карпика не то же, что выходка слуг американской плутократии, рассылающей по почте бомбы правительственным чиновникам и подкладывающей их под здания, затем заявляющей в желтой прессе, что «это работа радикалов и анархистов». Или разве такая выходка г.г. рассве-

товцев не аналогична выходке покойной черной сотни, веками поддерживавшей страдание и позор трудящихся России и обвинявшей во всем этом евреев? Их бешеная травля на страницах «Рассвета» тов. П. Аршинова напоминает травлю американской реакционной прессой американских революционеров.

Такого предательства и позора история анархического движения до сего времени еще не знала! Для чего все это ими делается? Может быть из за того, что они болеют за судьбу анархического движения, которое Аршинов задался целью разрушить, как это они подло уверяют рабочих читающих «Рассвет»? Или может быть из за того, что «Платформа», изданная группой «Дело Труда» не выражает взглядов анархизма, как это они ехидно по десяти раз повторяют в каждой своей статье? Ничего подобного, дорогой товарищ читатель! Если бы они верили в анархизм и болели за судьбу анархического движения, то разве они позволили бы себе действовать и говорить во вред анархического движения и анархизма? Например, Е. Моравский в своей лекции «Ответ моим критикам», в июне 1925 года в Нью-Иорке заявил; «Современный анархизм не имеет под собой никакого научного обоснования и является ничем иным, как крошками, падающими со стола марксизма» (заявление тов. Яцука, который присутствовал на этой лекции). В ноябре месяце 1925 г. членам общества самообразование (анарх. организация) гор. Балтимора приехавший экстренным поездом Моравский доказывал на основании политической экономии, что «анархизм ни в коем случае не осуществим. Согласно заявления тов. И. Данилюка в № 37-38 «Д. Тр.» Карпеня заявлял, что «Анархизм утопия». По Рубежанину же «об анархизме теперь не время говорить». В. Куль 30 мая 1926 года на конференции рассветовских организаций в Нью-Иорке заявил. «О революционной и анархической работе в настоящее время могут говорить только лишь пустые болтуны и революционные фразеры». «Мы здесь ничто иное, как гости и нам нечего здесь (в Америке) заниматься революционностью».

Из выше приведенного читателю должно быть видно, что заправилам «Рассвета» был чужд анархизм и его революционная тактика с самого выхода газеты «Рассвет». Коснемся их злобных выпадов против организационной платформы. Каждому русскому анархисту известно, что за период русской революции и после нее разными анархическими группировками и отдельными лицами было написано несколько анархических программ. Например:

1) Декларация анархических организаций Украины «Набат». 2) «Манифест анархистов коммунистов» А Карелина. 3) Организационная Платформа Группы «Дело Труда». 4) «Ответ на Платформу» Волина и других. 5) «Программа Анархистов Коммунистов» В. Худолея.

Все эти программы имеют своих сторонников и противников. Как бы ни были мы напитаны литературой Бакунина, Кропоткина , Грава, Малатесты и других, все же, к сожалению, должны признать, что в этой литературе мало уделено внимания организационной проблеме анархического движения в подготовительный революционный период. Каковы бы ни были недостатки в некоторых пунктах «организационной Платформы» изданной группой «Дело Труда», нельзя не признать того факта, что она («Платформа») ставит вопросы анархической организации, о производстве и распределении после уничтожения частной и государственной собственности, о защите революции и т. д., так широко, ясно и определенно, как не ставила ни одна анархическая программа или манифест, которые были изданы до сего времени. И казалось бы, долг каждого анархиста пойти навстречу такому насущно-необходимому началу (кем бы такое начало не было сделано), а не кричать «большевизм» «максимализм» , как это некоторые, называющие себя анархистами, делают. Но это речь идет об анархических группировках и об их программах. Но какой анархической программой рассветовские «знатоки анархизма» руководствуются в своей организационной работе? Никакой! Этих людей не интересует ни анархические программы, ни анархическое учение. Им нужно только лишь голое имя анархизма, прикрываясь которым они могут сталкивать трудовую колонию С. Штатов и Канады с классово-революционного пути на путь мещанства и контр-революционности и подло клеветать на подлинных анархистов. Они лгут и клевещут, когда говорят, что тов. Аршинов требовал от русского анархического движения в С. Америке закрытия журнала «Волна» и превращения газеты «Амер. Известия» из еженедельника в ежедневник. Вот факты. В августе 1923 года я получаю письмо от А. Вышинского (бывшего в то время секретарем «Американских Известий») приблизительно сдующего содержания: «Редакционной коллегией «Волна» получено письмо от Волина, в котором он диктаторски требует закрытия журнала «Волна» и превращения «Американских Известий» в ежедневник. Мы должны дать отпор диктаторским замашкам Волина и поэтому советую вам приехать на конференцию».

На конференции, которая состоялась, кажется, 23 августа 1923 года, письмо было прочитано. Что же в нем говорилось? Приблизительно вот что: «В целях расширения нашего движения в русской колонии С. Ш. и К. и ознакомления ее с материалом о русской революции, который у нас в избыточном количестве, по нашему мнению, товарищи, было бы самым целесообразным закрыть журнал «Волна», превратит «Американские Известия» из еженедельника в ежедневник, а «Анархический Вестник» издавать в Берлине ежемесячно, который обслуживал бы теоретическую сторону нашего движения».

Теперь читателю видна вся ложь Глушака (Новина и Вышинского. Знают г.г. Рубежанин и Карпик, что Глушак (Новин) и Вышинский лгут, но это им не помешало напечатать их ложь на страницах «Рассвета». И нас анархистов такой поступок Рубежанина, Карпика и Моравского, заседающих в редакции «Рассвет» ничуть не удивляет! Ибо этим об'единенцам с белогвардейцами для оклеветания тов. Аршинова и его друзей, издающих «Дело Труда», нужны такие лжецы и клеветники, как Глушак (Новин), Нагорный и Вышинский, так же, как Тэеру, Кацману и Фуллеру нужны были лжесвидетели для обвинения Сакко и Ванзетти в бандитизме и казни.

Но допустим, что предложение закрыть журнал «Волна», выпускать «Американские Известия» ежедневно, а

«Анархический Вестник» сделать теоретическим органом русского анархизма и совместно вести пропаганду анархизма, Волин писал с ведома т. Аршинова. Неужели такая идея более пагубна для анархич. движения, чем идея Рубежанина отдать страницу «Рассвета» обществу «Пресвятой богородицы»?. Мало того. Что подлинный анархист может видеть антианархического в попытке «Дела Труда» об'единить Федерацию Южн. Америки, Федерацию С. Америки и Парижскую группу для совместной анархической работы? Неужели опять таки и такая об'единенная работа трех однородных организаций могла бы так опозорить и дискредитировать анархизм, как это сделали руководители «Рассвета» и «Пробуждения» своим об'единением с попами и белогвардейцами всех мастей?

А вот еще шулеровский трюк рассветовцев. Как читатели помнят, рассветовцы часто ссылаются на Волина и Горелика, как на людей, обиженных «Делом Труда», которых они берут под свою защиту. Мы не намерены вытаскивать Волина и Горелика из того болота, в которое они залезли, подражая Моравским и Рубежаниным своими типично рассветовскими статьями против «Дела Труда». Если бы у них была хоть крупица революционной совести, они сами позаботились бы бежать от такого позорного сообщества. Вместо этого они против единственного органа революционного анархизма «Д. Труда» ведут то же черное дело, что и рассветовцы. Общая цепь, общее болото. И как в этом болоте волинцы и гореликовцы ни рассаживаются, они неизменно сидят «лицом к рассветовцам». Значит лучшего положения и лучшего направления эти люди не могут изыскать для себя. Не наше дело тащить их из грязи на чистое место, раз они против этого. Но мы хотели бы указать на то лицемерие, которым пропитаны ссылки рассветовцев на Волина и Горелика. До того, как «Дело Труда» не сняло маски с рассветовцев, последние относились и к Волину и к Горелику, как истые черносотенцы относятся к евреям. — «Евреи лишь раз'единяют русских людей» или «из евреев не может быть честных и идейно-преданных анархистов, а только из русских» — вот формулы, которые Моравский развивал все эти годы в Америке и на почве которых он, а также Вышинский и др. всячески унижал евреев анархистов, в том числе и Волина и Горелика. И лишь когда со страниц «Д. Тр.» ударил ужасный гром по всей этой преступной черносотенной компании, по всем этим Моравским, Вышинским, Рубежаниным, Глушакам и т. д. — лишь тогда они начали метаться и искать опоры против «Дела Труда» в ком угодно, в том числе и в Волине и Горелике. Очутившись без весел в бушующих грязных волнах антисемитизма, шарлатанства и предательства, беспощадно преследуемые и бичуемые революционными анархистами и их органом «Дело Труда», они хотели бы получить руку помощи от Волина и Горелика и на самом деле получили ее. При чем Горелик, находясь в редакционной коллегии «Голоса Труда», своими действиями по отношению группы «Дело Труда» и федерации анархоком. групп Соед. Шт. и Канады открыто поддерживает рассветовцев. Волин же ведет то же дело скрыто. Но много ли таких лиц наберется? За исключением кучки мистиков, извратителей и двух-трех идейно обанкротившихся, среди русских анархистов рассветовцы в свою защиту не найдут.

На все их выкрики на страницах «Рассвета» о том, что тов. Аршинов, Парижская группа и Федерация Ан.-Ком. групп занимаются раз'единительной работой в анархическом движении смотрели и будем смотреть, как на ложь, клевету и провокацию. Мы не раз'единяем анархическое движение. Мы раз'единяем рабочую массу от кучки обманщиков, изменников и предателей, руководящих «Рассветом» и «Пробуждением». Такой раз'единительной работой должен заняться каждый работник анархизма.

Преступно быть праздным зрителем, когда шайка темных людей, прикрываясь анархизмом, об'единяясь с монархистами и другими врагами анархизма, в то же самое время клевещет на пионеров анархизма.

Серодоенков.

С. Америка.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ в АМЕРИКЕ

Недавно вышедшая в свет книга Л. Лорвина «Labor and Internationalism» наглядно показывает, до какой степени северо-американские рабочие профсоюзы сотрудничают с американским правительством и всячески содействуют последнему в осуществлении его империалистических задач.

Уже начиная с 1914 года виднейшие деятели американской федерации труда (American Federation of Labor) находятся в тесной связи с правительством Вильсона и помогают ему вовлечь мексиканских и южно-американских рабочих в мировую войну. Для этой цели американское правительство снабжает представителей «A. F. of L.» неограниченными средствами из секретного фонда. Вообще во время войны «A. F. of L.» была правительственным агентством военной пропаганды среди рабочих масс. После войны американские капиталисты пользуются той же организацией в целях осуществления своего владычества в южной и средней Америках.

Иронией судьбы орудием этого владычества должны были быть сами рабочие, так как в согласии с Вильсоном Компер и Грин председатели «A. F. of L.» решили об'единить американских рабочих Южной, Средней и Северной Америк в панамериканскую федерацию труда под прямым влиянием северо-американской федерации (A. F. of L.). В 1918 году, в ноябре месяце был созван в Техасе панамериканский конгресс, на котором присутствовали 46 делегатов Сев. Америки, 21 делегат мексиканской реакционной организации «К. Р. О. М.» и по одному делегату из Гватемалы, Сальвадора, Костарики и Колумбии. Эти последние фактически никакого значения не имели, так как не представляли рабочие организации своих стран, а скорее всего были или политические эмигранты или же правительственные агенты.

К счастью, эта панамериканская федерация ни одной серьезной южно-американской профессиональной организации к себе не привлекла, показателем этого слу-

жит факт, что даже крайне реформистская аргентинская «КОА» отказалась присутствовать на конгрессе панамериканцев в 1927 году, потому что приглашения на конгресс исходили от правительственных учреждений и полицейских бюро. Вообще панамериканская федерация группирует только желтые синдикаты Южной Америки, которые никакого значения в рабочем движении не имеют, в виду малочисленности и моральной изолированности. Следующий конгресс панамериканской федерации созывается в Гаване. Этот факт достаточно ярко характеризует синдикаты, примыкающие к панамериканской федерации; лишь недавно диктатор Кубы Махадо разгромил профессиональные союзы Кубы и зверски расправился с той частью населения, которая отказалась подчиниться ему.

Но центр тяжести рабочего движения Южной Америки не панамериканская федерация, а анархо-синдикалистские профессиональные союзы. После двух неудавшихся попыток об'единить все южно-американские профсоюзы, стоящие на анархо-синдикалистской платформе, наши товарищи наконец преодолели все препятствия и положили начало континентальной федерации, на конгрессе в Буенос-Айресе в мае месяце сего года. Анархо-синдикалистские организации следующих стран были представлены: Мексика, Гватемала, Костарика, Боливия, Парагвай, Чили, Перу, Аргентина и Бразилия. На конгрессе присутствовал также делегат «М.Т.Р.» специально посланный из Берлина. Конгресс, продолжавшийся с 11-19 мая, увенчался полным успехом.

Из докладов делегатов разных стран заключается, что анархо-синдикалистские профсоюзы особенно преследуются правительствами южно-американских государств.

Конгресс решил об'единить все профессиональные организации представленные на конгрессе и вообще все анархо-синдикалистские организации Южной Америки в континентальную федерацию на принципах анархо-синдикализма и затем коллективно примкнуть к Международному Товариществу Рабочих. Конгресс континентальной федерации будет созываться каждые три года. Специально учрежденный секретариат будет заведывать делами федерации. На конгрессе обсуждался также аграрный вопрос в разных странах Ю. Америки. Были намечены меры борьбы против мировой реакции. Конгресс единогласно принял резолюцию М. Т. Р. о сокращении 8-часового рабочего дня до 6 часов. Обсуждался также эмиграционный вопрос.

Постановление этого конгресса и принятых им решений имеют то значение, что они наконец положили начало сотрудничеству идеологически однородных организаций по разным причинам до сих пор разрозненных.

Также важно другое последствие этого конгресса. Если отдельные анархо-синдикалистские организации не в состоянии были влиять на ту часть рабочего класса, которая оставалась под влиянием коммунистов и реформистов, то федерации это скорее удастся благодаря систематической пропаганде и примеру солидарности, которые уже принесли положительные результаты.

Я. Динцин.

«БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ДИКТАТУРА В СВЕТЕ АНАРХИЗМА»

(10 лет советской власти).

За эту книгу большевики арестуют всех анархистов в СССР, хотя книга написана и издана анархистами заграницей.

Книга дает убийственную критику политического и экономического режима большевиков.

Разобрана большевистская теория диктатуры «просвещенных революционеров», которые из своих заговорщических штабов насильственно руководят революцией и подчиняют ее своему «верховному разуму», подавляя разум масс.

Разобрана, далее система нэпа, система национализированного государственно-капиталистического хозяйства большевиков.

На основании цифровых данных, взятых из экономической советской прессы, рельефно показано, что советское хозяйство построено на принципе купли-продажи рабочей силы и устремляется к полному порабощению рабочих масс и крестьянства в интересах узкой касты политических диктаторов и их хозяйственных прислужников.

На основании данных из той же советской прессы показана позорная, зависимая роль профсоюзов и кооперации, являющихся безличнымы слугами партийной бюрократии.

Освещена алкогольная политика большевиков, положение безработных и положение науки в СССР.

Все это дает картину, не оставляющую никакого сомнения в эксплуататорском, господском характере большевизма, возводящего для трудовых классов новую систему рабства.

Сказанная в книге правда о большевиках явилась для них большим ударом. В приступе бешенства они за эту книгу начали мстить невинным людям: будучи бессильны схватить и заколотить в подвалы чека авторов и издателей книги, находящихся заграницей, они десятками арестуют анархистов, находящихся в СССР и не имеющих об этой книге никакого понятия. И в этом акте рельефнее, чем в каком либо другом, сказывается контр-революционность большевиков.

Достаточно прочесть эту книгу, чтобы увидеть, что она представляет собою образец высшей революционности мысли и духа. Она подымает ослабшую революционную энергию, зажигает верой в идею полного и подлинного освобождения труда и толкает всякого честного революционера на преодоление всех трудностей в борьбе за конечную цель трудящихся. Лишь подлинно реакционные, притом социально-привилегированные (буржуазные) силы могут бояться этой книги и преследовать за нее.

Товарищи рабочие! Каждый из нас должен внимательно ознакомиться с этой книгой. Тогда нам станет ясно *кого* и *за что* большевики преследуют, арестуя анархистов, станет ясна правда об анархизме и о большевизме.

ДВА ПОБЕГА

(Из воспоминаний анархиста 1906-1909 г.г.)

Брошюра *П. Аршинова*, издание «Дело Труда», Париж, 1929 г., стр. 78, цена 25 ам. центов.

Брошюра рассказывает об истории и обстановке двух побегов автора из царских тюрем. Параллельно с этим она освещает некоторые эпизоды террористической борьбы прошлых лет, обрисовывает некоторых участников движения в годы первой революции и т. д.

Получить брошюру можно:

В Европе: в адресе «Дело Труда».

В Сев. Америк: A. Svobodin, c/o Fr. arb. ST. 185, East, Broadway, New-Iork, N. I. City.

В Южн. Америке: K. Voronko, Correo Central, Casilla 1010, Buenos Aires, Argentina.

ОТЧЕТ ОРГАНИЗАЦИИ АН-КОМ. «ДЕЛА ТРУДА» ОТ 20 ИЮЛЯ ПО 10 ОКТЯБРЯ 1929 Г.

Приход: Остаток на 20 июля: 1 ан. ф. 10 шил. 3 дол. 1683 фр. 25 с.; из кн. маг. Поволоцкаго за книгу «Бол. Дик.» 42 ф. 50 с.; от т. Жана за «Д. Т.» — 2 фр.; от т. Ани за «Д. Т.» 1 фр.; т. Лазарева за «Д. Т. (3 д.) 75 фр.; т. Семы из Детр. (3 д.) 73 фр. 50 с.; от Детроитской группы Самообразов. (15 д.) 375 фр.; т. Воронко по подп. лисоту №№ 1 и 2 — 18 дол.; от Нью-Иоркской группы (30 д.) 750 фр.; от Детр. Орг. Самообраз. через т. Гоголя (10 д.) 250 фр.; от т. Серодоенкова за «Д. Т.» и пожертвов. (14 д.) 350 фр.; от Нью-Иоркской группы (80 д.) 2026 ф. 20 с. Всего — 1 ф. 10 шил. 21 дол. 5628 фр. 45 с.

Расход: Экспедиция №№ 50-51 «Д. Тр.» и брошюры «Новое в анархизме» 356 фр. 75 с.; уплочено в типографию за «Д. Т.» №№ 50-51 и за брошюру «Новое в анархизме» — 2337 фр. 50 с.; уплочено за брошюру «Два побега» — 2.100 фр.; отослано в Берлин для экспедиции «Ист. мах. движ. — 1 ф. 10 шил. 6 ф. 50 с.; подписка на газету окт.-ноябрь — 78 фр.; корреспонденция — 80 фр.; уплочено за приготовление комплектов «Д. Т.» — 20 фр.; дорожные расходы — по журналу и по брошюрам — 114 фр. 95 с. Всего — 1ф. 10 ш. 5093 фр 70 с. Остаток на 10 октября 1929 г. 21 дол. 534 фр. 75 сант.

ОТЧЕТ В СРЕДСТВАХ ДЛЯ ПОМОЩИ ЗАКЛЮЧЕННЫМ ОТ 10 МАЯ ПО 10 СЕНТЯБРЯ 1929 ГОДА.

Приход: Остаток на 10 мая 29 г. — 538 фр. 20 с. 9 зл. Получено от Общ. Пом. Политзакл. г. С.-Луи — 50 дол.; от т. Серодоенкова (5 дол.) 125 фр. Всего: 50 дол. 663 фр. 20 с. 9 зл.

Расход: Отослано заключенным анархистам в СССР — 50 д. 252 фр. 65 с.; дорож. расходы — 7 фр. 60 с. Всего — 50 д. 260 фр. 25 с.

Остаток на 10 сентября 1929 г. — 402 фр. 95 с. 9 зл.

Группа А. К. г. Н. Иорка.

ОТЧЕТ ОТ РОЗЫГРЫША ДВУХ ЗОЛОТЫХ ЧАСОВ В ПОЛЬЗУ «Д. Т.».

Билетов продано 803 по 25 с. — 200 д. 75. Расх. 92 д. Итого 108 д. 75.

Расход: Покупка часов 75 д.; печатание 14 д.; почт. расх. 3 д. Итого 92 д.

Выигрыш № 1 мужск. часы пал на № 62 N К. Зеленюк, Peabody Mass' Выигрыш № 2 женск. часы на № 94 E E. Solo, Lakewood Ohio.

Васлано было из этих денег на «Д. Т.» 8 сентября 1928 г. 10 д. 50; 20 мая 1929 г. — 50 д.; 29 июня 1929 г. — 15 д.; 17 августа 1929 г. — 30 д. Итого — 105 д. 50. Общая сумма 108 д. 75; выслано 105 д. 50; остаток 3 д. 25.

Подписной лист № 1, группы «Бунтарь» в Буэнос-Айресе в пользу **«Дело Труда».** Жертвовали: Н. Стотник — 1 К. Романчук — 1 д.; Н. Романчук — 0,20; Бучацкий — 0,25; А. Антоневский — 0,50; П. Зеленчук — 0,30; С. Полуян — 0,50; И. Сенюта — 0,20; И. Адамович — 0,20; С. Трещило — 0,20; И. Гоцко — 0,50; К. Кражевников (?) — 0,30; А. Гоцкова — 0,20; А. Зиновичева — 0,20; Д. Самцов — 0,50; И. Шипук — 0,50; Д. Полищук — 0,20; Н. Лещик — 0,30; А. Пасюк — 0,50; Н. Тарасович — 0,50; Г. Лохач — 0,50; М. Захарец — 1 д.; Д. Елак — 1 д.; Чипак — 0,15; от т-ща с неразборчивой фамилией — 0,20; от второ т-ща с неразборчивой фамилией — 0,50. Всего — 11 д. 60 с.

**

Подписной лист № 2. И Боуш — 0,50; Д. Елак — 2 дол.; Б. Тито — 0,50; А. Жданюк — 0,20; Н. С. — 0,20. Всего — 3б0.

Кассир **К. Воронко.**

Через т. Лазарева получено для т. Махно и ему передано (17 долл.) — 425 фр. Жертвовали следующие товарищи: Л Лазарев — 2.00; Р. Домино — 1.00; Камнев — 1.00; И. Вакулюк — 50; И. Юдик — 50; И. Чалей — 1.00; И. Котыло — 1.00; Г. Позняк — 25; И. Манец — 50; А. Зайка — 1.00; М. Гордин — 50; Ф. Качук — 50; О. Пасиков — 1.00; Неизвестный — 50; П. Шевчук — 25; М. Бернацкий — 25; П. Пташец — 1.00; А. Бурьба — 25; Андрей — 1.00; Чан-Тан — 1.00; А. Котиков — 1.00; Г. Хобурский — 1.00. Итого 17.00.

К сведению товарищей: на первой странице журнала дан новый адрес «Дело Труда», по которому впредь и следует направлять корреспонденцию, деньги, журналы.

Поправка: В № 50-51 «Д. Тр.», статье т. Шпигеля на стр. 23, на втором столбце, в строках 3-4 должно быть: «И тот состав И.К.Ф. и ред. кол. «Г. Т.» *не* печатал в «Г. Т.» об'явление о журнале «Проб.».

Gérant: L. LORÉAL Imp. L. Beresniak, 12, rue Lagrange, Paris